



Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [А. А. Быков](#)
 -
 - [Глава I. В мордовской семье](#)
 - [Глава II. Священник и монах](#)
 - [Глава III. Новгородский митрополит](#)
 - [Глава IV. Русская церковь до Никона](#)
 - [Глава V. Начало русского раскола](#)
 - [Глава VI. Патриарх и великий государь](#)
 - [Глава VII. Разрыв и отречение](#)
 - [Глава VIII. Суд нечестивых](#)
 - [Глава IX. Суд вселенских патриархов](#)
 - [Глава X. Старец Никон](#)
 - [Пособиями при составлении этого биографического очерка служили следующие сочинения:](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)



А. А. Быков

Патриарх Никон

Биографический очерк

***С портретом Никона, гравированным в
Лейпциге Геданом***



Глава I. В мордовской семье

Многочисленное и когда-то сильное чудское племя мордва заселяет среднее Поволжье с очень отдаленных времен. Связи ее с русскими возникли еще до IX века, когда новгородские ушкуйники^[1] пробирались по Волге на восток, но до XII века влияние русских колонистов было ничтожное, пока не появились ростовские и суздальские князья. Правда, обрусение мордвы совершается крайне медленно и типы этого племени мало отличаются в наше время от тех, которые жили в эпоху смутного времени. Все мордвины среднего роста, коренасты, плечисты, светловолосы, причем оттенки переходят от белокурого до темно-каштанового; глаза преимущественно серые, стальные, нередко серо-голубые. Попадают среди них иногда большого роста, обладающие физической силой, и такие типы надо считать наиболее чистыми с точки зрения происхождения. Необходимо заметить, что еще в половине прошлого столетия значительная часть мордвы сохраняла всецело свои языческие верования, и даже теперь находятся верующие в “бога богов” и “мать землю”.

В начале XVII века нынешняя Нижегородская губерния называлась Низовой землей и была заселена мордвою с небольшой примесью русских. Часть мордвы исповедовала христианство, имела в многолюдных селах церкви, отличалась трудолюбием и известною степенью зажиточности; кроме общего всем земледелия, некоторые деревни занимались и занимаются до сих пор овцеводством. Среди селений в ту эпоху известны были Княгинин, Вельдеманово, Григорово, Колычево и другие; ближайшие города – Васильсурск и Нижний Новгород, а уважаемая всеми православными святыня – Макарьев-Желтоводский монастырь, второй по древности в Низовой земле, основанный св. Макарием Унженским (скончался 25 июля 1444 года). Несмотря на политические волнения, потрясавшие в конце XVI и в начале XVII веков всю Россию, мордвины жили спокойно, пахали землю и вовсе не интересовались тем, что делалось вне их округа.

В последние дни кратковременного царствования Федора II Годунова у молодого вельдемановского крестьянина Мины родился сын Никита. Это произошло 24 мая 1605 года. Приблизительно в это же время в соседних русских селах Григорове и Колычеве также родились два мальчика, жизнь которых странно переплелась с жизнью новорожденного Никиты: в первом

– священнику Петру, родом также мордвину, попадья Марья подарила сына Аввакума, впоследствии знаменитого расколоучителя, а у колычевского священника Ивана родился сын Павел, позднее епископ Коломенский и тоже расколоучитель. Как можно догадываться, Никита был первенцем у болезненной молодой матери по имени Мариамна, которая вскоре после родов умерла. Малютка остался на руках Мины, который недолго оставался вдовцом и женился вторично. Кто была родом мачеха Никиты и как ее звали, неизвестно, сохранилось только указание, что своим характером она вполне оправдала обычную славу мачех на Руси; приведя в дом Мины своих детей от первого брака, она принялась бесцеремонно преследовать маленького Никиту, пользуясь выгодами своего положения полноправной хозяйки в избе. Правда, первые годы своей жизни малютка провел в избе какой-то Аксиньи, взявшей на себя попечение о ребенке по сердоболию. На пятом или на шестом году мальчик вернулся к отцу, и тогда началось его грустное житье-бытье.

“Берега” в крестьянском быту выражается исключительно заботой накормить и напоить, поэтому мачеха старалась своих собственных детей покормить как можно лучше, тогда как бедному Никите чаще всего доставался черствый хлеб, приправляемый бранью и колотушками. Мальчик вынужден был буквально вести “борьбу за существование” при самых невыгодных условиях; как-то с голодухи он полез в подполье, чтобы раздобыть что-нибудь съестное; возвратившаяся откуда-то мачеха накрыла его в момент совершения “преступления” и в сильном негодовании на пасынка такхватила его по спине, что тот скатился по ступенькам обратно в подполье и долго пролежал без сознания. Правда, Мина отколотил жену, узнав об этой истории, но бедному Никите было не легче от этого, тем более что мачеха без стеснений вымещала на мальчике всю брань и все побои, получаемые от мужа. В общем, положение ребенка было не из завидных, и единственно только бабушка его, мать Мины, обращалась с ним ласково и дружелюбно, но, лишенная власти и значения в семье, она не могла вполне охранить внука-сиротку. Постоянно одетый в лохмотья, в сравнении со сводными братьями, Никита чуть не замерзал в зимние дни и нередко прятался в печь, чтобы согреться. Как-то случилось, что он забрался в печь рано утром, пока мачеха не начала топить; последняя, умышленно или неумышленно, наложила дров, сколько следовало, и затопила печку. Вздремнувший было Никита проснулся и начал отчаянно кричать, задыхаясь от дыма и жара; прибежавшая со двора бабка вытащила в отсутствие невестки дрова и таким образом спасла мальчика от смерти.

Благодаря относительному равнодушию отца и ненависти мачехи,

которая безжалостно “учила” пасынка, маленький Никита рос в семье тихим неразговорчивым ребенком, безответным перед побоями, а тем более перед попреками. Никеша с большим удовольствием уходил из дома и любил на свободе предаваться размышлениям. О чем мог мечтать крестьянский мальчик, лежа на траве в поле или в лесу, сказать, конечно, трудно, но можно угадывать, что мачеха занимала не последнее место в его думах: как он вырастет и “заставит” ее быть доброю и справедливою, как он сам будет во всем соблюдать правду и “заставит” других быть такими же. В этих уединенных прогулках “дармод” сошелся, как указывает предание, с девочкою, бывшей на несколько лет моложе его; можно догадываться, что это была сестра Павла, будущего епископа Коломенского, дочка колычевского священника. Благодаря этому знакомству Никеша попал в дом отца Ивана, представлявшего прямую противоположность григоровскому священнику Петру: один был тих, начитан и даже образован, любил беседовать о божественном и заниматься садоводством, другой же все свободное время посвящал пьянству. В доме колычевского священника у Никеши смутно пробудилось желание учиться и знать по возможности все; у доброго, сострадательного священника он отдыхал душою от злобной воркотни и побоев мачехи, беседуя с отцом Иваном и играя с Павлушей и Настею. Встретясь где-то с Миною, священник уговорил его позволить мальчику учиться, и рассудительный мордвин согласился воспользоваться услугами батюшки. С этих пор в жизни Никиты произошла благоприятная перемена, так как он почти переселился в Колычеве и потому избавился от преследований мачехи; произошло это в год воцарения Михаила Федоровича Романова. Года три продолжалась такая жизнь. Никита выучился читать и писать, книжная премудрость увлекала его все дальше и дальше, и он осыпал своего наставника расспросами до такой степени, что загонял его в тупик.

В то время, когда любознательный и пытливый мальчик старался изведать и усвоить всю мудрость божественного писания, составлявшего основу тогдашнего образования, Мина решил, что для крестьянина его Никеша достаточно знает, что пора ему посерьезнее помогать отцу в хозяйстве. Учение поэтому прекратилось, мальчик остался дома и снова началась война с упрямой и ограниченной мачехою. Но жизнь в Колычеве не прошла бесследно, она развила в ребенке самостоятельность и энергию; прежде он ограничивался слезами и терпеливо переносил побои, не позволяя себе протестовать против обращения мачехи, теперь он стал огрызаться и изыскивать способы избавиться от непрошенных колотушек. Самым простым из них был уход из дома. Никита так и сделал. Обдумав на

досуге, с возможною для его лет рассудительностью, все шансы побега и припомнив рассказы отца Ивана, Никита взял тайком у отца немного денег и на двенадцатом году жизни покинул Вельдеманово. Миновав Колычево, Никита смело пошел на север и на берегу Волги достиг Макарьев-Желтоводского монастыря, где братия приняла его охотно, считая мальчика бездомным и бесприютным сиротою.

Пришелец особенно понравился священнику Арсению, который взялся руководить его образованием. Этот Арсений, позднее иеромонах Спасского Космодемьянского монастыря Антоний, был образованный монах и, как можно догадываться, боярского рода; сын его Илларион достиг звания архимандрита Нижегородского Печерского монастыря, а в мае 1657 года был поставлен рязанским архиепископом. Никита принялся с Арсением усердно изучать священные книги, в часы досуга упиваясь его рассказами о прелестях монастырской жизни, далекой от житейских дрязг и посвященной исключительно служению Богу. Тихо и спокойно проходила жизнь молодого отшельника, и только один случай взволновал его и произвел сильное впечатление. С несколькими служками монастырскими отправился Никита гулять по окрестностям монастыря; невежественные служки задумали навестить живущего на берегу Волги знаменитого колдуна, родом мусульманского татарина или, что вероятнее, язычника-мордвина. Представительный обитатель темного леса обратил внимание на интеллигентное лицо Никиты, всмотрелся в него и неожиданно поставил его в тупик своим резким вопросом.

– Какого ты рода?

– Я простолюдин, – ответил правдиво мальчик.

– Ты будешь Великим Государем над царством российским! – уверенно и вдохновенно произнес колдун, пронизывая его взглядом.

И мальчик долго оставался задумчивым, размышляя над пророчеством, но не прекращая своих занятий с Арсением. Пятый год его пребывания в обители подходил к концу, когда неожиданно явился в монастырь на богомолье вельдемановский крестьянин, друг и приятель Мины. Он разыскал Никиту, передал ему поклон от отца и приглашение вернуться домой, где бабушка его лежала при смерти. Доброе чувство шевельнулось в Никите, когда он вспомнил добрую и ласковую старушку, и он решился исполнить желание отца, тем более, что односельчанин передал ему, между прочим, о смерти нелюбимой мачехи. С уверенностью можно сказать, что дело не обошлось без советов Арсения, и семнадцатилетний Никита возвратился в Вельдеманово, где принял последнее благословение от бабушки. Как принял его отец, неизвестно, но можно думать, что

дружелюбно и даже с уважением как начетчика^[2], тем более, что, вероятно, от второй жены у него не было детей, а пасынки поумирали. Несмотря на свои нестарые годы, Мина вскоре после возвращения сына стал хворать и затем умер, не достигнув сорока лет. Никита остался наследником всего крестьянского хозяйства отца, который рассчитывал, что сын не откажется от сохи и не бросит земли-кормилицы.

Уступая увещаниям покойного отца и советам соседей, молодой хозяин женился, чтобы иметь в доме хозяйку. Предание указывает, что его женою сделалась бывшая подруга его детских игр, колычевская Настасья Ивановна. Беседы с дряхлеющим отцом Иваном и яркие воспоминания о созерцательной жизни в монастыре только усилили в Никите Минове отвращение к крестьянской жизни, полной прозаических хлопот и забот. Он стал подумывать о том, как бы покинуть отцовскую избу насовсем, и решил стать священником. Тесть согласился уступить ему свой приход, чтобы самому жить на покое; тогда Никита поехал в Нижний Новгород хлопотать у только что назначенного архиепископа Суздальского Иосифа. Благодаря рекомендации отца Ивана и его сравнительно большой начитанности хлопоты довольно быстро увенчались успехом, и на двадцатом году жизни Никита Минов был поставлен в священники и в 1625 году назначен в село Колычево на место отца Ивана.

Глава II. Священник и монах

Отец Никита зажил тихой и спокойною жизнью приходского священника в селе Колычеве. Безукоризненное исполнение им своих обязанностей снискали ему всеобщее уважение, а строгая полумонашеская жизнь еще более возвысила его в глазах прихожан, всегда отличающих тех батюшек, у которых слово поучения в церкви не расходится с частною жизнью поучающего. А прямолинейность отца Никиты заслуживала, действительно, полного внимания: раз придя к заключению в чем бы то ни было, он не считал возможным кривить душою и уклоняться с намеченного пути; слава о его неподкупности и беспристрастии разнеслась далеко, и о нем говорили с почтением не только в Колычеве и окрестных деревнях, но и в Нижнем Новгороде, куда Минову нередко приходилось ездить по разным делам. В то время как его ровесник, а может быть, и товарищ по детским играм Аввакум, сын григоровского священника, получивший приход одновременно с Никитою, подвергался целому ряду насилий и побоев за свой аскетизм и пуризм, Никита, несмотря на резкость в речах и поступках, никогда не подвергался личным оскорблениям, что в эту эпоху было не редкостью со стороны сильных карманом и властных людей. Крутой и властный в религиозных делах, Минов подкупал мягкостью и добротою в личных отношениях, и нижегородцы горячо расхваливали колычевского батюшку всем, кто приезжал в город по делам. Особенно сильное впечатление произвели эти похвалы на группу московских купцов, нередко являвшуюся в Нижний по торговым делам. Крайне недовольные своим приходским священником по разным причинам, они задумали переманить к себе в Москву Никиту. Немало пленяло их также то обстоятельство, что Никита очень часто говорил в церкви поучения, которые крайне нравились москвичам. Познакомясь лично, купцы стали убеждать Минова перейти к ним и наконец добились его согласия.

По выполнении некоторых формальностей Никита покинул с семьею свой приход и переселился в Москву, где его радостно встретили знакомые купцы. Сколько лет провел он на новом месте, сказать трудно, но перемена места службы своеобразно повлияла на отца Никиту; он стал задумываться, скучать и тяготиться своими обязанностями по приходу. Еще более усилилась его нервность после смерти третьего, и последнего, ребенка, которого он имел от Настасьи Ивановны. Впечатлительный священник, в котором, вероятно, воскресли приятные воспоминания о монастырской

жизни, сопоставляя ее с московскою сутолокою, счел смерть детей за указание свыше, что ему необходимо покинуть суетный мир и отдаться молитве и размышлениям за оградю монастыря. С этой целью он так повлиял на любящую и кроткую жену, что та наконец согласилась отказаться от совместной брачной жизни и принять пострижение. Тогда он сам отвез ее в Алексеевский монастырь, дал за нее приличный вклад и оставил новопостриженной монахине Анфисе небольшую сумму на личные расходы. Покончив так решительно с любимой женою, Никита из всего имущества взял только свою библиотеку, состоящую из духовных книг, и, отказавшись от должности, отправился на далекий север в Соловецкий монастырь святых Зосимы и Савватия.

Основание Соловецкому монастырю, раскинувшемуся на диких островах Белого моря, положил св. Савватий (умер 23 сентября 1435 года), родом новгородец. Новгородская республика не любила граждан, выдающихся по уму, и вынуждала их покидать родину. Благодаря этому появлялись ушкуйники, покорившие Великому Новгороду обширные земли от Ильменя за Каменный Пояс, то есть за Уральские горы. Когда ушкуйничество прекратилось, даровитые новгородцы стали уходить на службу в Москву и Вильно, сделавшись родоначальниками знаменитых фамилий, например, Романовых, Шереметевых, Неплюевых, Колычевых, Мусиных-Пушкиных, Апраксиных, Салтыковых, Морозовых, Шеиных, Тучковых, Шестовых, Строгановых и других. Чувствовавшие больше склонности к созерцательной жизни уходили в дремучие леса и основывали монастыри, из которых многие знамениты до настоящего времени; их устроители причислены к лику святых. Из числа этих ревнителей строгого православия был и Савватий. Не удовлетворяясь дремучими лесами и непроходимыми болотами, он ушел на дальний север к океану и в лодке перебрался на один из Соловецких островов. Ему нашелся подражатель, св. Зосима (скончался 17 апреля 1478 года), и затем слава о строгой жизни островитян-отшельников разошлась по всей России. Соловецкий устав состоял из нескольких уставов, измененных сообразно потребностям того или другого скита; самые суровые правила были в Анзерском ските, расположенном на острове Анзере, в 20 верстах от собственно Соловецкой обители. Братия, которой в первой половине XVII века было в ските 12 человек, жила вместо келий в отдельных избах, разбросанных по всему островку и выстроенных собственными руками. В субботу вечером все сходились в церковь, и богослужение совершалось целую ночь, причем перед сидящими монахами читалась вся псалтырь, а с наступлением дня совершалась литургия. Затем все расходились по своим

избам на целую неделю, обрекая себя на молчание, молитву и тяжелую физическую работу. Монахов, подвизающихся в таком суровом отшельничестве, уважали повсеместно, и поморские рыболовы считали своею обязанностью снабжать братию рыбою в виде подаяния. Богатые люди также не пропускали случая пожертвовать что-нибудь анзерским пустынникам, а из Москвы ежегодно шла царская руга, то есть царское жалованье живущим в ските: по три четверти хлеба на человека, иногда же и деньгами. Здесь подвизался боярский сын Федор Степанович Колычев, принявший схиму с именем Филиппа и достигший звания митрополита Московского (с 20 июля 1566 года по 8 ноября 1568 года) при Иване Грозном, который велел его задушить 9 января 1570 года.

В этот-то печальный и неприветный приют направился священник Минов, покончив свои дела в Москве. Он явился к настоятелю скита Элеазару и принял пострижение с именем Никона, безусловно подчинившись строгому уставу; все время проводил он в упорном труде и молитве, так что братия не могла им нахвалиться, свободное же время посвящал чтению духовных книг своей библиотеки, часть которой подарил скиту. Пострижение Никона произошло в 1635 году, и до 1641 года жизнь нового схимника шла ровно и спокойно, без всяких изменений. В 1641 году старец Элеазар, благоволивший также к Никону, решился взять его с собою для сбора подаяний на построение новой церкви; была у него при этом какая-нибудь цель или нет, сказать трудно за неимением сведений, хотя можно предполагать, что лукавый старец поступил так не без умысла. Сборщики прибыли в Москву и очень успешно выполнили свою обязанность, так что успели собрать до пятисот рублей тогдашней стоимости; затем Элеазар и Никон возвратились в скит. С этих пор между ними начались рознь и крупные неприятности. Корыстолюбивый Элеазар хотел хранить деньги в ризнице, ключи от которой были в руках преданного ему ризничего, а прямолинейный Никон, которому, вероятно, настоятель показал себя в настоящем свете во время поездки, настоятельно добивался, чтобы деньги, собранные на церковь, хранились в особом сохранном месте, “дабы их не отняли лихие люди”. Намек был очень прозрачен, так как про воров и разбойников в обители Савватия и Зосимы ничего не было слышно, но сторону Никона приняли некоторые монахи, и Элеазар был лишен возможности распоряжаться строительным капиталом бесконтрольно. Ссоры и перебранки дошли до того, что враги не могли равнодушно смотреть друг на друга, а настоятель, пользуясь своим положением, стал теснить Никона и громогласно заявлял братии, что Никон являлся ему в сновидении, и черный змей обвивал его шею, как бы

собираясь его задушить. Для бывшего священника вернулась жизнь в Вельдеманове при мстительной мачехе, его преследовали и старались извести, тем более что Элеазар без стеснений говорил, что берет на себя грех убийства “строптивного”; такая расправа в “мужицком” монастыре, пополнявшемся почти исключительно из “новгородских мужиков”, была не редкостью на уединенном островке, и Никон стал серьезно опасаться за свою жизнь, но уступать было не в его правилах.

Как когда-то в Вельдеманове, так и в Анзере, Никон задумал бежать от преследований. Какой-то поморский богомолец, склонный сам к монашеской жизни и часто посещавший скит, вызвался помочь бегству; принял участие в этом еще один монах, единственный сторонник Никона, и то тайный. Втроем они оснастили лодку, доставленную богомольцем украдкой в закрытую бухточку, собрали провизии на несколько дней, уложили книги, составлявшие единственное богатство Никона, и темною осеннею ночью монах благословил двух отважных беглецов, покидающих навсегда Анзерский скит. Надо знать Белое море, его скалы и бури, его неисследованную прихотливость, чтобы понять всю безумную смелость попытки бежать неизведанным путем с островка. Пловцы отправились на юг по Онежской губе и выбрали длинейший путь; на Лопарский или Летний берег было бы им ближе, но они рисковали попасть в безлюдную местность, тем более что Лопарский берег против устьев Кеми, Выга, Сумы, Ухты и Нименги усеян подводными скалами и голыми островками. С молитвою покинул Никон с богомольцем обитель, где он провел почти семь лет, и без компаса, по изредка мелькающим звездам, отправился в путь; больше трех суток носило их на лодке, наконец разразилась буря, и лодку с полузамерзшими гребцами выкинуло на обнаженный берег какого-то островка, верстах в пятнадцати от впадения реки Онеги в губу. Придя в себя, Никон в благодарность за свое спасение водрузил на возвышенном месте деревянный крест, а затем стал изыскивать с товарищем средства продолжать путь; оказалось, что лодка может еще служить, но из библиотечки уцелели только две книги. С этими пожитками странники перебрались с островка Кия на твердую землю и тут почему-то расстались. Одинок продолжал Никон свой путь и вскоре прибыл в нынешний Каргопольский уезд Олонецкой губернии, на берег озера Коже, среди которого на островках возвышался Кожеозерский монастырь, или пустынь, упраздненная по штатам 1764 года. Игумен потребовал от странника вклад, без которого никто не принимался, и Никон отдал свои последние две книги.

Привыкнув в Анзерском ските к одиночеству и молчанию, Никон

выпросил у игумена позволение жить отдельно от братии и занял маленький островок, остававшийся заброшенным у монахов; он поселился на нем и свободное от богослужения время посвящал рыбной ловле, которой он предавался охотно еще на Белом море. Молчаливость, благочестие и примерный образ жизни поставили Никона высоко во мнении братии; надо предполагать, что они ознакомились с его прошлым и удивлялись этому человеку с железным характером, который бросил все, лишь бы беспрепятственно отдаться служению Богу. Около года спустя кожезерский игумен умер, и братия собралась для избрания нового; выбор пал на пустынножителя Никона, который внушал больше всех доверие своими качествами. После некоторого раздумья Никон согласился и в 1643 году был поставлен в игумены Кожезерского монастыря. Новгородский митрополит Афоний утвердил выбор братии. Монастырь, видимо, изменился к лучшему: суровая дисциплина, согласовывавшаяся с характером Никона, заметно повлияла на поведение и образ жизни монахов. Около трех лет правил Никон монастырем безмятежно, но в 1646 году он решил отправиться лично за сбором подаяния в Москву; там, по обыкновению своего времени, он должен был явиться на поклон к царю и тут-то познакомился со вторым Романовым, Алексеем Михайловичем.

im

Встреча под Москвой митрополита Филарета по возвращению из польского плена, с сыном его, царем Михаилом Федоровичем

Царь Алексей, третий ребенок царя Михаила Федоровича и Авдотьи Лукьяновны Стрешневой, второй супруги царя, родился 10 марта 1629 года, а 12 июня 1645 года вступил на престол; следовательно, во время знакомства с Никоном ему пошел восемнадцатый год. Это был юноша привлекательной наружности, беленький, румяный, с узким лбом и крепкого телосложения; крайне добродушный, он был веселого нрава, любил давать клички своим приближенным и часто купал стольников в коломенском пруду. Но при всем этом Алексей Михайлович был чрезвычайно благочестив, любил читать священные книги, ссылаться на них в разговоре и руководиться ими. Никто не мог превзойти его в соблюдении постов: во время Великого поста он выстаивал в церкви часов по пяти и отбивал поклоны по тысяче; в понедельник, среду и пятницу строгость доходила до того, что он ел один ржаной хлеб. Даже в прочие дни года, когда церковный устав разрешал мясо или рыбу, царь отличался трезвостью и умеренностью, хотя к его столу подавалось до семидесяти блюд, которые он рассылал в виде “царского жалованья” другим. Каждый день Алексей Михайлович посещал церковь, так как считал большим

грехом пропустить обедню; однако нередко среди богослужения разговаривал с приближенными боярами о мирских делах. Алексей Михайлович принадлежал к тем благодушным натурам чисто славянского склада, которые прежде всего хотят, чтобы у них на душе и вокруг них было светло и жизнерадостно; на затаенную злобу, на продолжительную ненависть он был не способен, хотя в минуту вспыльчивости мог оттащить за бороду, как он поступил позднее со своим тестем, Ильёю Даниловичем Милославским. Была у него еще одна своеобразная черта: он был крайне пристрастен к церковной и придворной обрядности. Разнообразие царских выходов, богомолий, приемов посольств, аудиенций, парадных обедов – все это издавна установленное в Москве получило более живой характер благодаря вниманию и участию царя. Никогда еще обряды не совершались с такою точностью и торжественностью, как при Алексее Михайловиче, который охотно и с любовью вникал во все мелочи церемониала, занимаясь ими наравне с государственными делами.

С этим юношею-царем пришлось познакомиться игумену Никону летом 1646 года в селе Коломенском. Бесследно такая встреча пройти не могла: с одной стороны, суровый аскет-мордвин, весь ушедший в дела веры и благочестия, с другой, – не изведавший жизненной горечи молодой царь; общим у них было усердие к церковной чистоте и благолепию, а также целомудрие. Много видевший и много испытывавший за сорок лет своей жизни игумен мог рассказать царю многое, чего тот не знал; вследствие этого Алексей Михайлович пожелал продолжить эти беседы и просил игумена не торопиться с отъездом. Никон несколько раз приезжал в отличающееся своею живописностью Коломенское, где Алексей Михайлович любил проводить лето, занимаясь хозяйственными распоряжениями как добрый помещик или же соколиною охотою, к которой имел особую страсть. Продолжительные разговоры, в которых царь почерпал для себя много полезного и интересного, так повлияли на чуткого и восприимчивого юношу, что он предложил игумену совсем остаться в Москве. Умный от природы Никон сообразил, что вблизи доступного и ласкового царя он может принести несравненно больше пользы, чем в своем отдаленном Кожеозерском монастыре. Он видел хорошо, как мало истинного благочестия в большинстве монастырей, как небрежно относится черное духовенство к своим обязанностям, как обманывают венценосного юношу, пользуясь его неопытностью и доверием к своему воспитателю, боярину Борису Ивановичу Морозову; он все это видел, желал этому помочь, а потому без долгих колебаний согласился на предложение царя. Тогда Алексей Михайлович, пользуясь смертью

архимандрита Новоспасского монастыря, обратился к патриарху Иосифу и настоял, чтобы тот посвятил на вакантное место Кожеозерского игумена. В ту эпоху место Новоспасского архимандрита считалось особенно важным, так как в монастыре со времени вступления Романовых на престол была их родовая усыпальница. Набожный царь часто приезжал в обитель помолиться за упокой своих предков, давал монастырю щедрую ругу, и архимандрит мог скорее других сделаться приближенным лицом у государя.

Новоспасский монастырь был основан московским великим князем Иваном Даниловичем Калитой в 1330 году, за год до смерти его супруги Соломонины, когда она приняла пострижение с именем Елены. Монастырю было отведено место в Кремле, и Калита (скончался 31 марта 1341 года) часто молился в нем. Полтора года простоял монастырь на своем месте, но пожар уничтожил его постройки, и великий князь Иван III Васильевич (скончался 27 октября 1505 года) переместил его на Крутицы, где и состоялось освящение новой церкви в 1490 году. Значение монастыря усилилось с восшествием на престол Михаила Федоровича и особенно с тех пор, как во главе его явился архимандрит Никон. Чем более беседовал царь с новым архимандритом, тем более чувствовал к нему расположение; Алексей Михайлович был из таких сердечных людей, которые не могут жить без дружбы, легко привязываются к людям, которые им нравятся по своему характеру, и почти требуют их помощи и руководства. До сих пор ближайшим лицом к царю был боярин Морозов, с которым юноша не мог дружить, так как тот был его воспитателем и разменял уже пятый десяток лет. Никон больше соответствовал потребности молодого царя. Алексей Михайлович приказал Никону ездить к нему во дворец каждую пятницу; им было о чем потолковать, и беседы архимандрита западали в душу государя. Пользуясь положением своим и близостью к царю, Никон стал являться с просьбами за обиженных и угнетенных, а таких было немало благодаря тому же Морозову, который практично пользовался своим высоким положением правителя государством, не забывал себя и не мешал наживаться подчиненным ему лицам. Просьбы Никона пришлись по душе мягкому и сострадательному царю, который поэтому еще больше полюбил своего богомольца и пристрастился к нему. Кончилось тем, что Алексей Михайлович сам возложил на Никона поручение принимать просьбы от всех тех, которые искали царского милосердия и правосудия на неправду судей. Благодаря этому архимандрита Никона беспрестанно стали осаждать такие просители, и не только в Новоспасском монастыре, но даже и по дороге, когда он выезжал во дворец. Прямодушный и

беспристрастный Никон быстро вникал в суть прошения, знакомил с нею царя, и всякая правая просьба скоро исполнялась. Вскоре Новоспасский архимандрит приобрел славу доброго защитника и ходатая за бедных, которые громогласно стали выражать ему свою благодарность и любовь.

Как близкий к царю человек Никон приобрел значение и сделался немаловажною особою при дворе, где главную роль играли интриги женщин, запертых в терема, и духовенства. Как смотрели на быстрое возвышение мордовского крестьянина боярин Морозов и патриарх Иосиф, трудно сказать по неимению данных, но, во всяком случае, их взаимные отношения нельзя назвать дружескими. Благодаря Никону многие плутни подчиненных Морозову лиц всплывали наружу, и конечно, интересами этих лиц, а то и ими самими, приходилось подчас жертвовать, чтобы поддержать свой авторитет. Иосиф, корыстолюбивый и малограмотный архимандрит московского Симонова монастыря, таким остался и в сане патриарха Московского (с 27 марта 1642 года). Он знал хорошо, как подтянул Никон Кожеозерский и Новоспасский монастыри, знал, как он был требователен к священникам и, конечно, не мог сочувствовать этим преобразованиям, являвшимся немым укором его собственной лени и распущенности. Что касается царского терема, то там пока были равнодушны к любимцу архимандриту, так как он ничем не затрагивал их интересов; женщинам больше нравились духовник царя, священник Стефан Вонифатьев, и юрьев-повольский протопоп Аввакум Петрович, земляк Никона; первый развлекал царевен “страшными” рассказами на библейской основе, а второй, с истомленным впалым лицом и фосфорически сверкающими глазами, напоминал своею внешностью мученика первых веков христианства и производил сильное впечатление своими витиеватыми и кудрявыми беседами о религиозных предметах. Никон ничего подобного не делал, он не любил болтать с “бабами”, и из всего терема только царевна Татьяна Михайловна, младшая сестра царя, одиннадцатилетняя девочка, любила слушать беседы брата-царя с архимандритом Никоном. Во всяком случае, дружбе царя с Никоном никто и ничто не мешало, она росла и крепла, и вскоре Алексей Михайлович выказал новый знак расположения и внимания к “собинному^[3] другу”.

Новгородский митрополит Афоний, по преклонности своих лет, уволился 7 января 1649 года на покой и поселился в Варлаамиево-Хатынском монастыре. Вскоре он скончался, завещав, против обыкновения, совершить свое погребение не преемнику, а непременно псковскому архиепископу Левкию. Чем объяснить такое нововведение, сказать трудно, но позднее враги Никона сочинили, будто покойный предчувствовал, что

именно будет с его преемником и не хотел, чтобы его прах был осквернен прикосновением рук “антихристовой собаки”. Как бы там ни было, известие об отречении митрополита, первого в русской иерархии после патриарха, пришло в Москву, и Иосиф, посоветовавшись со своими приближенными, представил Алексею Михайловичу список кандидатов на свободный митрополичий престол. Царь списка не принял и выразил желание видеть митрополитом своего друга Никона. Патриарх стал колебаться, не желая содействовать возвышению опасного человека; тогда царь, нерешительный в других случаях, круто повернул дело и обратился с просьбою о рукоположении Новоспасского архимандрита к иерусалимскому патриарху Паисию, гостившему в Москве для сбора подаяний. Дипломатичный грек Паисий, привыкший на Востоке к деспотизму мусульманских монархов и зная, что за труды ему будет подарок от царя, охотно взялся совершить обряд, который и состоялся 11 марта 1649 года. В разговорах, которые были у Паисия с Никоном, первый сразу разгадал цельную богатую натуру мордвина, получившего лишь то образование, какое мог ему дать желтоводский монах Арсений, но не большее, и не владевший вовсе греческим языком; патриарх понял, почему царь благоволит к этому великану, только что рукоположенному в митрополиты, и в знак своего личного расположения выдал ему грамоту за своею патриаршею печатью; в этой грамоте он восхвалял достоинства Никона и в знак отличия предоставлял ему право носить мантию с красными “источниками”, то есть пришивками. При этом же, однако, Никон был сильно смущен, когда Паисий ясно и определенно высказался против двуперстного сложения креста, как тогда делала вся Россия с давних времен, едва ли не с княжения Андрея Боголюбского (скончался 29 июня 1174 года). Никон немедленно доложил об этом Алексею Михайловичу, и тот так серьезно встревожился важным нарушением обряда, что тотчас же распорядился отправить на Восток келаря Троице-Сергиевской лавры, Арсения Суханова, для проверки и справок об истине. С этими сомнениями митрополит Никон уехал из Москвы в Великий Новгород, посетив при этом в монастыре митрополита Афония.

Глава III. Новгородский митрополит

Новгород, потерявший свою республиканскую свободу 20 января 1479 года при великом князе Иване III и сильно потрясенный в своем торговом благосостоянии, сто лет спустя, при царе Иване IV, продолжал сохранять дух свободолюбия и неповиновения московским властям, когда приехал в него вновь назначенный митрополит, облеченный полным доверием царя. Алексей Михайлович был вполне доверчив к тем, кого особенно любил; помимо всех существующих официальных властей, он возложил на “собоинного друга” наблюдение не только над церковными делами, что тот был обязан делать как митрополит, но и над мирским управлением; Никон должен был доносить ему обо всем, что делалось в Новгороде, и давать свои заключения и советы. Добрый к бедным и обиженным Никон продолжал заботиться о них, как он делал это в Москве. Вскоре после его приезда в Новгородской земле начался сильный голод, что часто случалось с новгородцами, и голодные толпы повалили в город добывать пропитание. Тогда Никон отвел у себя на владычном дворе особую палату, так называемую “погребную”, и приказал ежедневно кормить в ней нищих; дело это было возложено, согласно обыкновению того времени, на какого-то Василия Вавилу, ходившего босиком круглый год. Кроме того, этот блаженный каждое утро раздавал нищим по куску хлеба, а каждое воскресенье от имени митрополита раздавал старым по две деньги, взрослым по одной деньге, а подросткам и детям по полденьги. Не ограничиваясь этим, Никон устроил несколько богаделен для постоянного призрения убогих и выпросил у Алексея Михайловича постоянные суммы на их содержание. Все эти дела благочестия и нищелюбия только усиливали к нему любовь и уважение царя, а также привлекали к нему симпатии простого народа; своими подвигами, довольно обычными для духовенства XVII века, Никон никому не мешал из служилых людей и бояр, но те стали косо смотреть на владыку за деятельность его совершенно в другом направлении. У него появились враги.

Дело в том, что Никон был настолько прямолинейным в своей деятельности, что, сознавая себя подданным и другом Алексея Михайловича, согласовывался только с желаниями последнего, не считая нужным обращать внимание на Морозова, на Иосифа и на бояр-рюриковичей, усиливших свое значение при дворе со времени вступления на престол Михаила Федоровича и разнуздавшихся после смерти умного и

энергичного патриарха Филарета. Никон был при дворе homo novus^[4], без традиций надменного боярства, а потому в наивном неведении не считал нужным примыкать к кучке себялюбцев, сознавая при этом вполне справедливо, что в этой кучке немало нравственных ничтожеств. Основываясь на этом, митрополит, исполняя волю царя, посещал новгородские тюрьмы, расспрашивал заключенных, принимал от них жалобы, доносил суть жалоб Алексею Михайловичу, наконец, вмешивался в распоряжения наместника или воевод, давал по их поводу те или другие советы, и царь всегда слушал его. В своих письмах к Никону царь искренно величал его “великим солнцем сияющим”, “избранным крепкостоятельным пастырем”, “наставником душ и телес”, “милостивым, кротким и милосердным”, “возлюбленником своим и содружебником”, и так далее; беседуя откровенно с отсутствующим, царь поверял ему свое тайное мнение о том или другом боярине или придворном. Конечно, окольными путями содержание переписки делалось известным, и вот против “интригана-монаха” стали вооружаться все эти Морозовы, Салтыковы, Стрешневы, Трубецкие, Одоевские и другие, не говоря уже о подчиненных им лицах, которым хуже всех приходилось от зоркого и проницательного глаза “выскочки-чернеца”. Сохранилось сообщение, что многие из московских бояр выражались, будто они согласнее погибать в новой земле за Сибирью, чем быть с новгородским митрополитом; таких было, конечно, мало. В самом Новгороде серьезный энергичный наставник самого царя из Москвы не мог быть симпатичным для бунтовских новгородцев, которым всегда зависимость от Москвы казалась не особенно удобною; а Никон не имел ничего общего ни с буйными обитателями “концов” городских, ни с прошлым города. Духовенство новгородской митрополии было очень недовольно назначением Никона, так как многие уже раньше знали его строгость и взыскательность. Несмотря на набожность того времени, набожность чисто внешнюю, показную, богослужение совершалось крайне безобразно и нелепо: сократить чин литургии считалось грехом, пропустить что-нибудь – тоже, а выстаивать по несколько часов не хотелось никому, поэтому для скорости одновременно читали и пели разное, так что присутствующие редко что понимали. В Кожеозерском и Новоспасском монастырях этого уже не было; прибыв в Новгород, Никон сам совершал богослужение с большею точностью, правильностью и торжественностью и требовал того же и от подчиненного ему духовенства. Очень естественно, что такое распоряжение митрополита не нравилось никому, потому что на это приходилось тратить больше времени, а русские, даже и в то время, считали необходимостью бывать в церкви, но не любили оставаться там

долго. Никона возмущала эта коммерческая сделка с совестью, и он властно взялся за ленивых и подчас едва грамотных священников, не обращая внимания ни на родство, ни на связи, ни на лета. Заботясь о благолепии храма, митрополит велел обучить певчих киевскому напеву, который он слышал, вероятно, у боярина Федора Михайловича Ртищева, а затем ввел в богослужение пение на греческом языке, пополам со славянским. Зимой 1649 года Никон по обыкновению приехал из Новгорода в Москву, сопровождаемый своими певчими, и Алексей Михайлович пришел в восторг, услышав преобразованное пение, но нашлись, конечно, лица, которые с резким порицанием отнеслись к нововведению; во главе таких порицателей был сам патриарх. Собор 1651 года одобрил нововведение митрополита.

Между тем, еще в бытность Никона архимандритом, он был свидетелем мятежа москвичей, выведенных из терпения лихоимством Морозова, Милославского, Плещеева, Траханиотова, Чистова и других. Мятеж вспыхнул 25 мая 1648 года. Плещеев и Чистов были закованы палками, Траханиотова казнили, и царь едва отстоял жизнь Морозова, упрашивая народ со слезами на глазах: “Пусть народ уважит мою первую просьбу и простит Морозову то, что он сделал недоброго; мы, Великий Государь, обещаем, что отныне Морозов будет оказывать вам любовь, верность и доброе расположение, и если народ желает, чтобы Морозов не был ближним советником, то мы его отставим; лишь бы только нам, Великому Государю, не выдавать его головою народу, потому что он нам как второй отец: воспитал и возростил нас. Мое сердце не вынесет этого”. Уже 16 июля 1648 года Алексей Михайлович собрал особое заседание из бояр, окольничих, думных и духовных лиц, чтобы привести в порядок расшатанное законодательство, и с этою целью была избрана комиссия из князей Никиты Ивановича Одоевского, Семена Васильевича Прозоровского и Федора Федоровича Волконского да из дьяков Федора Грибоедова и Гаврилы Леонтьева, чтобы составить “Уложение”; соляная пошлина была уничтожена еще 16 января, в день свадьбы царя с Марьею Ильиничной Милославскою, а вслед за избранием комиссии прекращена казенная продажа табака, соблазнявшая благочестивых ревнителей православия, и заготовленный табак был сожжен по приказанию царя. Таким образом, мятеж окончился вполне удачно для восставших в Москве, а потому нашлись охотники повторить его в других городах, где режим Морозова держался пока в силе; действительно, мятежи повторились в Сольвычегодске и Устюге, но скоро были усмирены. Серьезнее разыгрались страсти во Пскове и Новгороде, где многочисленное и богатое

торговое сословие было до крайности раздражено данными английским купцам привилегиями и обирательством дьяков.

Началось во Пскове. 28 февраля 1650 года ограбили шведского агента Нумменса и “гостя” Емельянова, затем выбрали свое управление из посадских и отправили челобитчиков в Москву; архиепископ Макарий и воевода Собакин оказались бессильными усмирить народ. Между тем, известие о псковском восстании быстро достигло Новгорода, где народ сильно роптал на появление царских бирючей, которые объявляли на торговых площадях, чтобы новгородцы покупали хлеб только в небольших количествах. Поднялся общий крик, что царь ничего не знает, что всем управляют бояре, которые отпускают за море казну и хлеб в ущерб русской земле. Посадский Елисей Лисица 15 марта воспользовался приездом датского посланника Граба, велел ударить в набат, и мятеж, по-тогдашнему “гиль”, начался тем, что толпы бросились грабить и бить посольство и местных богачей. Митрополит Никон и воевода князь Федор Андреевич Хилков пытались укротить мятеж, но сил у них было мало, а некоторые из служилых, боярские дети и стрельцы перешли на сторону мятежников. Толпа освободила митрополичьего приказного Ивана Жеглова, посаженного под арест Никоном, и Жеглов на другой же день создал народное правительство из девяти человек, в числе которых, кроме посадских, был стрелецкий пятидесятник и подьячий. Энергичный Жеглов принудил большинство новгородцев составить приговор и целовать крест на том, чтобы “всем стать заодно, если государь пошлет на них рать и велит казнить смертью, а денежной казны и хлеба не пропускать за рубеж”. Служилые люди, не желавшие присоединяться к мятежникам, принуждены были к тому силою. Озлобление митрополита Никона при таких обстоятельствах становится вполне понятным: своевольный народ не только не внял увещаниям его, архипастыря, но становился послушником царской воли; не признавая полумер и считая неприличным идти на уступки, митрополит попытался образумить мятежников духовным оружием и произнес проклятие над всеми непокорными. Эта мера не принесла пользы, потому что строгость и суровые меры Никона давно вооружили против него новгородцев, видевших, что он заступает за злодеев и грабителей.

Когда он вышел уговаривать народ, искавший спрятавшегося князя Хилкова, то зачинщики кинулись на него и, не обращая внимания на святительское облачение, исколотили его до полусмерти; дворовые служители отнесли Никона в келью почти полумертвого. “И ныне, – писал он царю, – лежу в конце живота, харкаю кровью, и живот весь распух; чаю

скорой смерти, маслом соборовался”. В этом же письме Никон серьезно передает подробности о видении, явившемся ему после побоев в бреду: ему представился золотой царский венец сперва над головою Спасителя на образе, а потом над своей собственной; как сын своего века вельдемановский мордвин верил в сверхъестественное.

Московское правительство пришло, однако, в недоумение, когда узнало о мятежах в двух важнейших городах севера; под влиянием Алексея Михайловича, не расположенного к очень крутым мерам, решено было прибегнуть к полумерам. Князь Иван Никитич Хованский был отправлен с небольшим войском, а в ответе на челобитье новгородцев слышалась властная, строгая нота. Челобитчики, отправленные Жегловым к царю, привезли бумагу, в которой сочиняли, что посланник Граб сам напал со свитою на горожан, что митрополит жестоко терзает духовных и светских лиц, вымучивая у них деньги, что он совершает на миру великие неистовства и смуты; затем Жеглов просил, чтобы государь не велел отпускать за границу денег и хлеба, так как носится слух, будто шведы намерены, взяв государеву казну, нанять на нее войско и идти войною на Новгород и Псков. В своем ответе самолюбивый, но добродушный Алексей Михайлович сначала строго укоряет новгородцев за мятеж и произведенные насилия над иноземцами и своими, потом указывает на неуместность их вмешательства в действия правительства, заявляя, что он “с Божьею помощью знает, как править своим государством”, но затем снисходит до объяснений, зачем нужно было отпускать хлеб, доказывает, что невозможно запретить, как они просили, продажу хлеба за границу, потому что тогда и шведы не повезут к русским своих товаров, следовательно, государству произойдет оскудение. Наконец, желая сделать приятное новгородцам, царь объявляет, что, согласно их жалобам на воеводу князя Хилкова, он сменяет его, а вместо него назначает князя Юрия Петровича Буйносова-Ростовского. Такой ответ не удовлетворил мятежников, хорошо видевших слабость князя Хованского; они не пустили его даже в город, так что князь, не желая вызывать раздражения, остановился в десяти верстах от Новгорода, у Хутынского Спасо-Варлаамиевского монастыря. Здесь он получил наказ от царя: не пропускать никого в город и уговаривать мятежный народ покориться царской воле.

Такому распоряжению новгородцы были обязаны отчасти митрополиту, которого они обвиняли в лихоимстве и самодурстве. Когда он стал поправляться от побоев, пришло письмо от Алексея Михайловича, в котором последний одобрял поведение своего “собинного друга”, хвалил

его за крепкое стояние и страдание во имя государственной идеи и выказывал свое благоговение к его подвигу. Между тем, оскорбление, нанесенное лично ему, поулеглось в душе Никона, и, практичный умный человек, он хладнокровно обдумал весь ход событий; он понял, что новгородцы были в большинстве своих требований правы, и поэтому, посылая ответ царю-другу, высказался прямо и откровенно, что с мятежниками следует поступить кротко и выразить прямо царское прощение. Прошло несколько дней после прибытия князя Хованского, а уже в самом Новгороде возник разлад: число сторонников Жеглова, стоявшего за крайние меры, видимо уменьшалось, а партия зажиточных людей, стоявших за центральное правительство, все росла и крепла. Среди отчаянных крикунов, горланов-зачинщиков появились такие, которые выжидали только удобной минуты, чтобы бросить начатое дело и подумать о спасении собственной головы. Наконец, какой-то Негодяев, сотоварищ Жеглова по управлению, бежал ночью к князю Хованскому и от него отправился в Москву, где получил прощение, и на свободе занялся доносами на новгородского митрополита, которым никто даже не поверил. Пример Негодяева произвел впечатление на народ, и уже в конце апреля царский воевода вошел в усмирившийся город. Первым делом он велел казнить посадского Волка, зачинщика нападения на датское посольство, что и было выполнено немедленно; затем все народное правительство с 218 посадскими коноводами было арестовано до приказаний из Москвы. Сначала московские власти решили казнить зачинщиков восстания, с Жегловым во главе, но потом отменили этот приговор, желая мягкостью повлиять на псковичей; а во Пскове благодаря земскому старосте Гавриле Демидову волнения прекратились только в августе.

Миновал тяжелый 1650 год, и все вошло в свою колею. Созванный в октябре 1649 года земский собор утвердил “Уложение”, состоящее из 25 глав, и новый свод законоположений вступил в действие. Здесь были выписки из правил апостолов и святых отцов, из гражданских законов Кормчей книги, составленной в Византии, собраны были указы прежних государей и боярские приговоры, наконец, составлены статьи закона по предметам, не предусмотренным раньше. Получился свод уголовных законов, вошли дела об обидах, полицейские распоряжения, правила судопроизводства, правила о вотчинах, поместьях, холопах и крестьянах, устройство и права посадских, права всех сословий вообще, определяемые размером бесчестия. “Уложение” впервые на Руси узаконило права государственной власти, обратив в постановление то, что существовало прежде только по обычаю и по произволу; с этих пор узаконяется страшное

государево “слово и дело”, пугавшее русских людей сто лет. Новгородский митрополит не принимал участия в создании нового законодательства и даже смотрел на него косо, но пока молчал, так как “Уложение” не затрагивало его прав и его личности. Пришла зима, и он снова съездил в Москву повидаться с царем, который принял его очень дружески, уважая его непоколебимую верность и самоотверженность. Несмотря на глухую вражду бояр и патриарха, положение митрополита оставалось непоколебимым, так как Алексей Михайлович вполне верил ему. В следующий свой приезд Никон отправился, по желанию царя, с патриархом Иосифом в Саввин-Сторожевский монастырь, близ Звенигорода, чтобы присутствовать при открытии мощей преподобного Саввы, скончавшегося 3 декабря 1407 года. Торжество состоялось 19 января 1652 года при стечении духовенства, в присутствии Алексея Михайловича и всего двора; по окончании церемонии открытия мощей царь угостил всех собравшихся и с “собинным другом” возвратился в Москву. Пользуясь удобным случаем, Никон, всегда заботившийся о величии церкви, явился с предложением перенести мощи митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву. Дело было серьезное, так как оно должно было внушить народу мысль о первенстве церкви и о правоте ее, а вместе с тем обличить неправду светской власти, произвольно посягнувшей на права церковной. Ввиду развития идеи самодержавия со времени Ивана IV Грозного, венчавшегося царским венцом 25 августа 1547 года, царю Алексею следовало отклонить предложение Никона, но он вполне доверял своему другу, который напомнил ему при этом эпизод из византийской истории, когда императрица Евдоксия-Элия изгнала Иоанна Златоустого и тот умер в Комане в 407 году; тогда сын Евдоксии, император Феодосий II, чтобы исходатайствовать у Бога прощение для грешной матери, перенес мощи великого иерарха 27 января 438 года в патриаршую усыпальницу в Византии. Разделяя мысли Никона, Алексей Михайлович рассказал в свою очередь, что ему во сне уже являлся митрополит и велел перенести его мощи туда, где почивают прочие митрополиты. С этой стороны вопрос был решен.

Восхищенный царь, воображение которого заранее пленялось торжественностью церемоний, которые должны были сопровождать религиозное событие, желал оформить задуманное и созвал духовный собор. 20 марта 1652 года состоялось постановление собора, открывшегося под председательством патриарха Иосифа; епископы, не находя в желании царя ничего противозаконного и противоканонического, легко согласились на перенесение мощей митрополита Филиппа, а также на перенесение

останков патриарха Иова из Старицы и патриарха Гермогена из Чудова монастыря в Успенский собор. Собор просил государя “исполнить сие благое предприятие, яко же восхощет”. За Филиппом был отправлен в начале апреля Никон, который прибыл в Соловецкий монастырь 3 июня; десять лет не был он в обители, куда поступил простым монахом, а теперь являлся в качестве митрополита, с важным поручением от царя и собора. Никон поехал не прямо из Москвы, а сначала побывал в Новгороде, но все время поддерживал деятельную переписку с Алексеем Михайловичем, который извещал его обо всем, что совершалось в его отсутствие. В Соловецкий монастырь Никон прибыл с грамотою от царя к покойному митрополиту.

Это красноречивое послание было торжественно прочитано у гроба задушенного Малютою Скуратовым митрополита Филиппа, а затем мощи страдальца были подняты и вывезены из монастыря: сначала в лодке, причем Никон посетил островок Кий, где продолжал возвышаться поставленный им простой крест; из устья Онеги “шествие” достигло Белозерского Кирилова монастыря, а оттуда водою до Ярославля. Из последнего города мощи были доставлены на лошадях в Троице-Сергиевскую лавру, где их встретили казанский митрополит Корнилий и вологодский архиепископ Маркел с архимандритами, игуменами и духовенством. Шествие достигло Москвы только 9 июля, где было встречено при колокольном звоне духовенством и Алексеем Михайловичем со всем двором, а затем мощи были с подобающим торжеством положены на приготовленное место в Успенском соборе.

Между тем, за время отсутствия митрополита Никона в Москве совершилось важное событие: 15 апреля скончался патриарх Иосиф, почти неожиданно для всех, в четверг на страстной неделе, вскоре после перенесения праха патриарха Иова. Конечно, царь известил об этом своего “собоинного друга” в очень пространным письме, в котором подробно описывал последние минуты умершего патриарха, а в заключение просил Никона молить Бога, вместе с отправившимся в Соловки юродивым Васильем Вавилом, который был раздавателем милостыни во время новгородского голода, чтобы Бог дал нового пастыря и отца. При этом Алексей Михайлович делает намек, что у него уже имеется на примете преемник патриарху Иосифу, и заканчивает письмо такими словами: “Ожидаем тебя, великого святителя, к выбору; того мужа три человека знают: я, да казанский митрополит, да мой духовный отец; сказывают: святой муж!” Трудно предполагать, чтобы Никон не догадывался, на кого метит царь; наивным вообще он никогда не был. Блюстителем патриаршего

престола, в ожидании выборов, был назначен ростовский митрополит Варлаам, который и встречал мощи св. Филиппа. Когда церемонии были, окончены, состоялся духовный собор, на котором все знали желание царя видеть Никона патриархом. Оппозиция была, конечно, ожесточенной, так как духовенство знало, что наживет себе грозного хозяина, а боярство давно уже негодовало на чернеца за то, что он явно вмешивается в светские дела, к чему его поощрял сам царь. “Царь выдает нас митрополиту, – ворчали недовольные бояре, – никогда нам такого бесчестия не бывало”. Однако никто пока не смел выражать громко своих мыслей, опасаясь гнева самодержавного царя. Только партия приверженцев царского духовника Стефана деятельно хлопотала сделать его патриархом, но благоразумный протоиерей сам отклонил эту честь, о чем земляк Никона, протоиерей Аввакум Петров, пишет так: “По сем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа-митрополита, и прежде его приезду духовник Стефан, моля Бога и постясь седмицу с братиею и я с ними тут же о патриархе, даже даст Бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом Казанским написав челобитную за руками, подали царю и царице о духовнике Стефане, чтобы ему быть в патриархах. Он же, не восхотев сам, и указал на Никона-митрополита. Царь его и послушал. Егда же приехал, с нами яко лис, челом да здорово: ведает, что быть ему в патриархах и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить”.

Избиратели держались установленных правил и, согласно уставу, назначили двух кандидатов: Никона и его бывшего учителя в Макарьевском монастыре, иеромонаха Антония; жребий пал на Антония, но последний, сознавая свою старческую немощь, не желал препятствовать бывшему ученику своему и добровольно отказался от высокой чести. Тогда волею-неволею, скрепя сердце, избиратели стали просить новгородского митрополита. У 47-летнего мордвина был, конечно, свой вполне сложившийся взгляд на вещи и свое понимание о власти и значении патриаршего сана; принимать такое место среди затаенного недовольства без оговорок было немислимо, и потому Никон стал отказываться. Несколько дней продолжались переговоры, и в дело вмешался Алексей Михайлович, тем более, что и блюститель патриаршего престола, ростовский митрополит Варлаам, скорпостижно скончался в день встречи мощей, 9 июля. После богослужения в Успенском соборе 22 июля царь, окруженный боярами и многочисленным народом, перед мощами митрополита Филиппа стал кланяться Никону в ноги и со слезами начал умолять о согласии быть всероссийским патриархом. Несколько времени Никон все-таки отказывался. “Простершись на земле и проливая слезы со

всеми окружающими”, Алексей Михайлович снова стал умолять его не отказываться от избрания, тогда Никон громко спросил:

– Будут ли меня почитать как архипастыря и отца верховнейшего и дадут ли мне устроить церковь по моему намерению?

Царь, а за ним духовные и светские власти поклялись исполнить его желание, и тогда Никон дал свое согласие на избрание. 25 июля состоялось торжественное венчание его казанским митрополитом Корнилием на всероссийское патриаршество в присутствии царя, бояр и духовенства.

Под влиянием даровитого и энергичного патриарха Филарета, деда Алексея Михайловича, носившего наравне с сыном Михаилом Федоровичем титул Великого Государя, в русском народе сложилось мнение, что патриарх есть “второй государь, первого государя больший”; наконец сам Алексей Михайлович не допускал даже сравнения между “царем земным и великим светильником, прославленным Богом”. Все эти воззрения были хорошо известны Никону, который, по своему складу убеждений, вполне соглашался, что духовный представитель Бога должен быть выше светского представителя, и с этими взглядами он и принял высший духовный сан. Он видел непорядки в русской церкви, его честность не выносила тунеядцев и малограмотных священников, ему ненавистна была лень, он замечал, что обряды церковные изменены по невежеству, – и все это ему хотелось изменить, исправить и улучшить. Вот причина его условий боярам и царю.

Глава IV. Русская церковь до Никона

В бытовой жизни русского народа замечается много таких проявлений, которые показывают, что он не только принял церковные и религиозно-обрядовые учреждения, заимствованные из Византии, но также добровольно увеличил круг и объем их своими собственными религиозными установлениями. Факт этот, указывая на народную самостоятельность в области религии, в то же время открывает еще то, что в древнейшей культуре наших предков хранилось много нравственных задатков и обычаев, которые более или менее совпадали и легко мирились с христианскою обрядностью. Этим, вероятно, возможно отчасти объяснить то историческое явление, что христианская вера вводилась у северных славян без потрясений и почти без противодействия. Кроме икон, принесенных греками в Киев еще до св. Ольги и никогда не возбуждавших в России тех споров иконодулов с иконокпастами, какими прославился Константинополь, большим почитанием пользуется у русского народа крестное знамение. С ним русский человек начинает день, выходит из дома, принимается за всякую работу, начертывает его на строениях и вещах, им благословляет всякую пищу и питье; одним словом, русский человек творит крестное знамение при всех обстоятельствах жизни. Нет сомнения, что знамение креста, принесенное первыми проповедниками христианства, слагалось из трех перстов, как оно практиковалось на Востоке с первых веков апостольских. Когда и при ком стали креститься двумя перстами, представляет пока неразрешенный вопрос, но переход от троеперстия к двуперстию объясняется легко историческою обособленностью русских от греков и указанною выше народною самостоятельностью. Нашествие монголов следует считать тою гранью, на которой должна была вполне совершиться замена. До появления Батыя русские князья вступали в брак с византийскими принцессами: в 988 году св. Владимир женился на Анне, дочери императора Романа II, и при ней утвердил христианство в России; внук его, Всеволод I Ярославич, женился в 1046 году на Анне, дочери императора Константина XI; правнук его Святополк II Изяславич женился в 1079 году на Варваре, дочери императора Алексея I Комнина; наконец, Юрий I Долгорукий женился на Ольге, дочери императора Иоанна II Комнина в конце первой половины XII века. Так как нашими летописцами были только духовные лица, то очевидно, что если бы византийские принцессы замечали в России

уклонения от родных обрядов, то об этом было бы занесено в летописи. Кроме того, полоцкая княжна св. Евфросиния (скончалась 23 мая 1173 года) и великий князь Всеволод III Юрьевич (скончался 14 апреля 1212 года) лично были в Византии и в Иерусалиме, но никто не заметил им неправильного перстосложения. Очевидно, оно утвердилось позднее, когда Киев потерял свое политическое значение и его митрополит был только номинальным главою северной Руси.

С большою вероятностью можно допустить, что двуперстие началось с Андрея I Боголюбского, когда финские народности приняли ближайшее участие в политической и общественной жизни плотно надвинувшихся славян. Постепенно входя в употребление вне контроля духовенства греческого происхождения, оно сделалось наконец господствующим и вытеснило незаметно троеперстие; этому помогло прекращение сношений с Византиею и даже с приднепровскою Русью и вообще изолированность северной Руси, как бы оторванной татарами от остального христианского мира. Очевидно, Александр I Невский употреблял уже двуперстие, как и его сын, московский князь Данила, признанный святым. Как знамение креста двумя, а не тремя перстами, так и многое другое в богослужебной обрядности изменилось по многим причинам в России, и изменилось до неузнаваемости, до смешного, а между тем, подданные московского государства только себя и считали единственно истинно православным народом в целом свете. Греки, принешие в Россию христианство, потеряли над народом свое прежнее значение и обаяние, так что москвичи перестали уже и доверять греческим книгам, объясняя это тем, что греки, живя под властью неверных, воспитывались и печатали свои книги на латинском западе. С изобретением книгопечатания московские книжники считали свои старые рукописные переводы, переполненные ошибками, бессмыслицею и произвольными вставками, более правильными, чем греческие подлинники в том виде, как они были напечатаны. Такой взгляд особенно утвердили в народе так называемые “справщики книг” при патриархах Иоасафе и Иосифе.

im

Рукописная миниатюра XVII в., изображающая богословский диспут справщиков с Лаврентием Зизанием в 1627 году

Сам Никон в первые годы своего архимандритства разделял этот взгляд и говорил, что “как малороссияне, так и греки потеряли веру и крепость добрых нравов; покой и честь их прельстили, они своему чреву работают и нет у них постоянства”. Только позднейшие беседы с иерусалимским патриархом Паисием поколебали его предубеждение и

заставили призадуматься над необходимостью серьезной ревизии русской церковной обрядности.

Между тем, еще при знаменитом Максиме Греке (скончался в 1536 году) нашлись образованные люди, которые обратили внимание на разноречия, попадавшие в различных богослужебных книгах, и грубые искажения смысла. Естественно, затем возникла мысль, что все эти описки и искажения безобразят книги, а потому необходимо сделать тщательное исправление и тогда уже узаконить однообразный правильный текст. Эта законная потребность усиливалась постепенно с распространением книгопечатания, так как последнее давало возможность удобнее замечать и сравнивать все разноречия. Образованным людям печатные книги внушали больше доверия, чем писанные, так как предполагалось, что приступавшие к печатанию старались изыскать средства для возможно правильной передачи текста. Таким образом, введение книгопечатания в России сильно подвинуло и поставило на вид вопрос о необходимости исправления богослужебных книг; при всяком печатании разноречие списков вызывало необходимость обратиться к справщикам книг, которые должны были из многих различных списков выбирать тот вариант текста, который, по их убеждению, следовало признавать правильным. Важность такой работы сознавалась всем обществом, и конечно, наблюдение и выбор справщиков входили в обязанности Верховного пастыря церкви, так как он должен был отвечать за все. Исправительная деятельность невольно затихла с наступлением смутного времени, но восшествие на патриарший престол Филарета дало новый толчок в этом направлении.

im

Печать патриарха Филарета

Первым шагом его было сожжение устава, напечатанного в 1610 году уставщиком Логгином; такая крутая мера объяснялась тем, что в уставе статьи были напечатаны “не по апостольскому и отеческому преданию, а своим самовольством”. По повелению Филарета были исправлены и напечатаны несколько раз “Требник” и “Служебник”, кроме того: “Минеи”, “Октоих”, “Шестоднев”, “Псалтырь”, “Апостол”, “Часослов”, “Триоди” цветная и постная, “Евангелия” на престольное и учительное. В предисловии к “Минеи” выражено сознание, что хотя богослужебные книги издавна переведены были с греческого языка на славянский, но многие переводчики и переписчики выбрасывали слова и переделывали выражения по своему уразумению. Чтобы достичь скорее большего единства, патриарх приказывал собирать по всем городам древние харатейные^[5] списки разных переводов и исправлял по ним замеченные

погрешности, “дабы сочетать во единогласие все потребности и чины церковного священноначалия”; эти харатейные списки доставлялись прямо к патриарху, и он сам внимательно просматривал их, но, к сожалению, мало приносил пользы. Хотя он был очень умным и любознательным человеком, но не обладал тою ученою подготовкою, которая была необходима для такого дела; правда, в то время в Московском государстве совсем не было подготовленных для этого людей, так как почти никто не владел греческим языком, обязательным при сравнении перевода с греческим подлинником; кроме того, “справщик книг” должен был ознакомиться с литературою, церковною историею и археологиею, а об этих науках русские книжники даже не знали ничего. Очевидно, в исправлениях было мало пользы.

Все это хорошо создавал сам Филарет, видевший единственное средство разумного исправления в научной проверке текста. С этою целью он учредил в Москве эллино-славянскую школу при Чудовом монастыре и назначил руководителем ее греческого иеромонаха Арсения. Вскоре, однако, Филарет умер, но преемники его Иоасаф (с 6 февраля 1634 года по 28 ноября 1640 года) и Иосиф продолжали печатать исправленные книги и также приказывали собирать по городам харатейные списки, поручая сравнивать, исправлять и издавать их целой комиссии справщиков, помимо образованного Арсения. Что это были за справщики и как выбирал их патриарх Иосиф, видно из слов самого Арсения: “Иные из этих справщиков едва азбуке умеют, а уж наверное не знают, что такое буквы согласные, двоегласные и гласные, а чтоб разуместь восемь частей речи и тому подобное, как-то: род, число, времена, лица, наклонения и залоги, – так этого им и на ум не приходило”. У таких справщиков, набранных по знакомству и дружбе, незнание дела видно было на каждом шагу; все нелепости, введенные суеверными и невежественными священниками, оказались внесенными в исправленные книги. Так, например, в молитвах на рождение младенца упоминается какая-то Соломия; кроме того, в отпусках говорилось о праздниках, как о лицах наравне со святыми, например: “Молитвами пречистая твоя матери, честнаго ея Благовещения или честнаго ея Успения, помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец”. Непосильные труды свели Арсения в Соловки и после его изгнания патриарх созвал форменную комиссию справщиков; сюда вошли царский духовник Стефан Вонифатьев, протоиерей Казанского собора Иоанн Неронов, дьякон Благовещенского собора Федор Неронов и иногородние протоиереи: юрьев-повольский Аввакум Петров, муромский Логгин, романовский Лазарь, суздальский Никита Пустосвят и костромской Даниил.

Как на смех, все эти новые справщики, правда, начитаннее своих предшественников, были отъявленными врагами ревизионного духа, охватывавшего тогдашнее московское духовенство все сильнее. Увидев перед собою множество разнородных списков и не понимая даже, как взяться за исправление, справщики стали руководиться обычаем, полагаясь на свою начитанность: что казалось им наиболее общепринятым, то и входило в заново отпечатанные книги. Отпечатав массу вздора, они воображали, что исполняют свои обязанности в совершенстве, и в этом их поддерживал царский терем, где нравились их сладкоглаголивые речи об оскудении веры и о претерпенных за правду гонениях. Дело было в том, что многие из этих справщиков вынуждены были бросить свои места и семьи в провинции из-за изуверства и корыстолюбия и ютились на даровых хлебах около Вонифатьева, Неронова и коломенского епископа Павла.

Тем временем в Москву приехал упомянутый уже раньше иерусалимский патриарх Паисий и открыто заметил, что в русской церкви он находит немало нововведений, которых не было и нет в восточных церквях. По настоянию Никона, смущенного этими разоблачениями, но не доверявшего вполне греку, келарь Арсений Суханов поехал за справками на Восток. Пока Суханов ездил по Греции, Сирии, Палестине, Египту и Грузии, Москву посетил константинопольский патриарх Афанасий и почти слово в слово повторил обвинения Паисия, особенно относительно двуперстия и произвольного искажения богослужебных книг. Патриарх Иосиф сильно встревожился и не знал, что делать, так как два патриарха обвиняли его чуть не в ереси; посольство охридского патриарха высказалось в том же духе, а афонские монахи даже сожгли богослужебные книги московской печати, как не согласные с чином православного богослужения. Такой поступок уважаемой всеми обители заставил Иосифа окончательно пасть духом, так как восточные церкви могли потребовать от Алексея Михайловича низложения патриарха, вводящего ересь, а корыстолюбивому старцу было, конечно, страшно потерять патриаршие доходы.

Быстрая кончина избавила его от душевных страданий, и царю было немало хлопот лично произвести опись имущества покойного, так как списков дорогим материям, серебряной посуде, дорогому оружию и другим вещам не было и патриарх лично заведовал всем, не допуская келейников. “Прости, – писал Алексей Михайлович Никону в Соловки, – владыка святой, и половины не по чем отыскать, потому что все без записки; не осталось бы ничего, все бы разокрали, да и в том меня, владыка святой, прости, немного и я не покусился иным сосудом, да милостью Божией

воздержался и вашими молитвами святыми. Ей-ей, владыка святой, ни маленькому ничему не точен”. Оказалось, что “свет-патриарх” не по-христиански обращался со своими подчиненными: “Все вконец бедны, и он, свет, жалованья у них гораздо убавил”, – сообщает царь в том же письме Никону. Легко понять, что патриарх Иосиф не был единичным явлением среди духовенства, которым он управлял десять лет; почти повсеместно замечалось то же самое: многие священники и епископы как-то ухитрялись сочетать набожность, уважение к букве церковного закона, даже подвижничество с алчностью, корыстолюбием, лихоимством и сластолюбием. Аввакум Петров, назначенный Алексеем Михайловичем протоиереем в Юрьев-Повольский, пробыл в городе всего восемь недель и так вооружил против себя народ, что его избили до полусмерти батогами, и воевода едва спас, прибежав с пушкарями к скопищу, его самого и семью. Ночью Аввакум бежал в Кострому; оказалось, что и с тамошним протоиереем народ вынужден был поступить одинаково, и Данила также тайком бежал. Оба нашли приют у Вонифатьева и попали в справщики книг.

Глава V. Начало русского раскола

Переход от патриарха Иосифа к патриарху Никону был очень резок, и это все сознавали, начиная с самого Никона. Он ясно видел положение русской церкви, дошедшей вследствие национального самомнения и исторической обособленности до состояния, которое восточные ревнители православия прямо называли ересью. Он видел, что русское духовенство довело себя до такого состояния, что рядом с традиционным уважением к священнику и монаху того и другого поколачивали без милосердия, обращались с ними презрительно, не видя в них ничего заслуживающего почтения. Лихоимство, тунеядство и распущенность нравов сделались обычным явлением среди духовенства, не говоря уже о почти повальном невежестве и малограмотности, доводящих до искажения церковных обрядов. Из-за всего этого истинной религиозности почти не стало, ее заменило какое-то казенное благочестие, состоящее в возможно точном исполнении внешних обрядовых приемов, которым приписывалась символическая сила, дарующая Божью благодать; буква искаженного подчас обряда давно уже камнем лежала на русской духовной жизни, лишая последнюю внутреннего смысла и содержания. “Чтобы получить то-то и то-то, надобно сделать то-то и то-то”, – вот коммерческая формула, в которую отлилась религиозная идея русского человека XVII века. А рядом с этим пробуждалось сознание, что духовенство как слугитель и представитель Бога на земле должно быть безукоризненно, должно пользоваться общим уважением и должно быть ограждено от произвола светских властей и насилия прихожан над своею личностью. Сильный толчок в этом направлении дан был патриархом Филаретом; не только духовенство, но и светские лица сознавали ясно, что со вступлением его в управление церковью, и в управление самодержавное, без опеки бояр и приказных, дела пошли лучше и многие безобразия и беспорядки прекратились. Духовный Великий Государь как вдохновитель и руководитель стал вмешиваться в государственные дела, и в них появилось улучшение; политический организм, расшатанный в смутное время, снова окреп и сплотил народ вокруг самодержавного светского Великого Государя.

Все это сознавал Никон. Он видел, что преемник Филарета унизил достоинство патриарха до такой степени, что Алексей Михайлович вынужден был как бы оправдывать покойного перед его прислугою: “Есть

ли из вас кто-нибудь, кто бы раба своего или рабыню без дела не оскорбил? Иной раз за дело, а иной раз, пьян напившись, оскорбит и напрасно побьет; а он, великий святитель и отец наш, если кого и напрасно побил, от него можно потерпеть, да уж что бы ни было, так теперь пора всякую злобу покинуть. Молите и поминайте с радостью его, света, елико сила может”. А между тем, патриарх Иосиф многим был по душе, поддерживая малограмотных, тунеядцев, но приносящих дары. Никон понимал, что его предшественник дискредитировал патриарший сан не только в русском государстве, но и за пределами его; очевидно, что он не мог даже желать идти по его следам. Его идеалом был Филарет, он хотел из уважения к принятому сану быть Великим Государем над церковью, которой он отдал лучшие годы своей жизни и величие которой всегда составляло его задачу. Ревностно и с обычною ему суровою энергиею принимаясь за дело достижения единообразия в церковной обрядности, он логически должен был сделаться борцом за независимость и верховность своей патриаршей власти. Будь Алексей Михайлович менее податливым на выслушивание придворных сплетен и не попадись Никону на дороге кучка тупоголовых изуверов, трудно сказать, какова могла бы быть дальнейшая история России. Самому же Никону не доставало научного образования, чтобы смелее и увереннее вести задуманную реформу, и житейской изворотливости, чтобы ладить и держать в руках темную клику Салтыковых, Стрешневых, Морозовых, Трубецких, Одоевских, Долгоруких и других. Чересчур прямолинейный по характеру Никон не мог и не умел лукавить и вести дипломатическую игру с теми, чье дело, по его мнению, было повиноваться, а не умничать.

25 июля 1652 года сын крестьянина Мины вступил в управление Всероссийским патриархатом. Следуя обычаю, издавна установившемуся среди высших иерархов русской церкви, первым делом его было основать для себя новый монастырь и прославить его новою святынею. Для этой цели Никон выбрал намеченный им раньше островок на озере Валдай и назвал новоучреждаемую обитель Иверским Богородичным монастырем в честь Иверской Божией Матери, икона которой находится в афонском Иверском монастыре с 31 марта 999 года. В то же время он отправил знающего человека на Афон, с согласия иверского архимандрита Пахомия, гостившего в Москве, сделать точную копию Иверской иконы и, когда каменная церковь была построена, поставил в ней эту икону, украсив ее золотом и драгоценными камнями. Вместе с тем Никон перенес 23 ноября в новый монастырь мощи преподобного Иакова, чудотворца Боровичского (скончался 22 мая 1544 года). Таким образом,

новооснованная обитель сделалась предметом двойного поклонения; вскоре пошли слухи о совершающихся в ней чудесах и исцелениях. Алексей Михайлович, сочувствуя доброму делу “собинного друга” и желая поддержать его, приписал к Иверскому монастырю пригород Холм с крестьянами, деревнями и угодьями. Затем Никон перенес сюда из Хутынского Спасо-Варлаамиева монастыря типографию, заведенную им еще в 1650 году, в бытность новгородским митрополитом; здесь были напечатаны, между прочим, “Учебный часослов”, “Рай мысленный” Стефана Святоторца и произведения самого Никона: “Сказание об Иверской иконе”, “Сказание о созидании Онежского Крестного монастыря”, “Поучение к духовным и мирским”, “Канон молебный о соединении веры”, “Книга кормчая”, “Поучение о моровом поветрии”, “Пища духовная” и другие.

Но, исполняя дело, соответствующее его искреннему религиозному чувству и выраженное в общепринятой форме, Никон обратил серьезное внимание на задуманную реформу или, лучше сказать, коренное исправление текста богослужебных книг. Келарь Суханов еще не возвратился из-за границы, и Никон начал сам рыться в рукописях богатого патриаршего книгохранилища, поступившего в его распоряжение. Там он обратил внимание на грамоту восточных патриархов, присланную по случаю учреждения в России патриархата при Федоре I Ивановиче; в этой грамоте было сказано, между прочим: “Православная церковь приняла свое совершение не только по благоразумию и благочестию догматов, но и по священному уставу церковных вещей; праведно есть нам истреблять всякую новизну ради церковных ограждений, ибо мы видим, что новины всегда были виною смятений и разлучений в церкви; надлежит последовать уставам святых отцов и принимать то, чему мы от них научились, без всякого приложения или умаления. Все святые озарились от единого Духа и устави́ли полезное; что они анафеме предают, то и мы проклинаяем; что они подвергли низложению, то и мы низлагаем; что они отлучили, то и мы отлучаем; пусть православная великая Россия во всем будет согласна со вселенскими патриархами”. Необходимость исправления искажений и произвольных вставок была очевидна по этой грамоте авторитетных иерархов, и в первом изданном при нем Служебнике Никон велел поместить в предисловии приведенный отрывок как бы в оправдание своих действий. Тут же, в библиотеке, Никон обратил внимание на саккос ^[6] митрополита св. Фотия (скончался 2 июля 1431 года), родом грека; символ веры, вышитый на этом саккосе, разнился с тем, который читали в первой половине XVII века: в старом не было прибавления слова “истинного” о св.

Духе, а Никон знал, что против этой прибавки уже раздавались голоса раньше его; кроме того, на саккосе было вышито: “Его же царствию не будет конца”, – а вокруг Никона все читали: “Его же царствию несть конца”. Все эти находки только сильнее убеждали патриарха в необходимости исправления искаженного текста; но исправления тщательного, при содействии действительно знающих людей, а не “мужиков-горланов”.

Иеромонах Арсений, сосланный на покаяние в Соловецкий монастырь патриархом Иосифом, заподозрившим благодаря усердию справщиков его в латинстве, был немедленно возвращен Никоном. Проверка текстов снова перешла к Арсению, а Никон благодаря боярину Ртищеву познакомился с иеромонахом Киевского Братского монастыря Епифанием Славинецким, приехавшим в Москву по приглашению боярина “ради обучения словенороссийского народа детей эллинскому наказанию”. Славинецкий был характера кроткого, сосредоточенного, предпочитал уединенную жизнь кабинетного ученого всяким исканиям почестей, не терпел никаких житейских дразг и был всем сердцем предан науке; он умел уживаться со всеми, никого не раздражал заявлением о своем умственном превосходстве и своею безукоризненною честностью приобрел всеобщее уважение. Познакомившись с ним, Никон полюбил его и изменил свое навеянное окружающими предубеждение против малорусов. В это время возвратился келарь Арсений Суханов из своей поездки и 26 июля 1653 года подал царю и патриарху свой отчет о командировке на Восток; его записка носит название “Проскинитарий”, то есть “Поклонник”. Суханов описал свое путешествие по греческим островам, а также пребывание в Александрии, где долго беседовал с патриархом Иоанникием, в Иерусалиме и Тифлисе; оставаясь приверженцем русской старины, он описал черными красками поведение восточно-православного духовенства и недостаток благоговения при богослужении, но при этом правдиво указал, что на востоке повсеместно употребляется троеперстное крестное знамение и соблюдают, опять-таки повсеместно, те именно обряды и порядки, в нарушении которых греческие иерархи укоряли русскую церковь.

Таким образом, слова патриарха Паисия, впервые открывшего глаза Никону на беспорядки и заблуждения, приобретали серьезное значение и требовали немедленного исправления недостатков. По этим-то побуждениям решительный и деятельный патриарх обратился к Алексею Михайловичу с предложением созвать русский поместный собор. Царь дал свое согласие и лично присутствовал с боярами на этом соборе, на который прибыли: митрополиты Макарий Новгородский (преемник Никона),

Корнилий Казанский, Иона Ростовский, Сильвестр Крутицкий и Михаил Сербский, архиепископы Михаил Вологодский, Софроний Суздальский и Мисаил Рязанский, епископ Павел Коломенский, несколько архимандритов и протоиереев, – всего 34 человека. В качестве председательствующего Никон открыл заседание и, по своему прямодушию, произнес речь, в которой без стеснений высказал свой взгляд на равенство церковной власти со светскою. “Два великих дара, – начал он, – даны человекам от Вышнего по Божьему человеколюбию – священство и царство. Одно служит божественным делам, другое владеет человеческими делами и печется о них. Оба происходят от одного и того же начала и украшают человеческое житие; ничто не делает столько успеха царству, как почтение к святителям (святительская честь); все молитвы к Богу постоянно возносятся о той и другой власти... Если будет согласие между обеими властями, то настанет всякое добро человеческой жизни”. Провозглашая громко перед всем собранием принцип теократизма в государстве, Никон не прятался и не скрывался, как лукавый дипломат, стремящийся окольными путями к цели; если бы смысл его речей задевал и оскорблял самолюбие самодержавного царя, то охлаждение должно было бы немедленно наступить между Алексеем Михайловичем и Никоном. Однако мы видим обратное, так как во время войны с Польшею патриарх был регентом государства по выбору царя. Высказав свой взгляд на предержавшие власти, Никон перешел к интересующему его предмету исправления книг; объяснив весь ход событий, свои беседы с Паисием, находки в книгохранилище и докладе Суханова, он продолжал: “Надлежит нам исправить как можно лучше все нововведения в церковных чинах, расходящиеся с древними славянскими книгами. Я прошу решения, как поступать: последовать ли новым московским печатным книгам, в которых от неискусных переводчиков и переписчиков находятся разные несходства и несогласия с древними греческими и славянскими списками, а прямее сказать, ошибки; или же руководствоваться древними греческим и славянским текстами, так как они оба представляют один и тот же чин и устав”. На этот вопрос ответ последовал такой же, какой давался не раз при прежних патриархах: “Достойно и праведно исправлять, сообразно старым харатейным и греческим спискам”. Только епископ Коломенский Павел, протоиерей Иоанн Неронов и Аввакум Петров, да два или три архимандрита, оскорбленных публичным признанием их невежественности, удалились с собора, не подписав его постановлений.

Собор уничтожил колебания патриарха, хорошо понимавшего всю важность предстоявшего дела. Не прошло нескольких дней после закрытия

заседаний, как комиссия справщиков книг была формально отставлена от должности по причине своей полной несостоятельности и некомпетентности в корректурных работах. Скромный Славинецкий, проживавший с киевскими сотоварищами в новопостроенном Андреевском Преображенском монастыре на иждивении боярина Ртищева, по царскому указу был назначен справщиком (то есть фактором) типографии и получил квартиру при училище в Чудовом монастыре. Патриарх поручил Славинецкому, главным образом, дело исправления книг, и образованный иеромонах приступил к своей задаче неторопливо, с разумною обдуманностью. По его настоянию келарь Суханов вторично был отправлен на Восток за различными старинными рукописями, хотя уже при первой поездке доставил до 700 драгоценных рукописей, “овым убо от них от того времени, егда писаны, преидоша 700 лет, овым же 500, овым 400 лет”. Только окружив себя громадным количеством греческих и славянских списков, принялся Славинецкий за самое исправление текстов; помощниками его были два приехавших с ним земляка Арсений Сатановский и Данила Птицкий, побывавший в Соловках иеромонах-грек Арсений, священник Никифор, иеродиакон Моисей, бывший игумен Сергей, монах Евфимий и книгописцы печатного дела Михаил Родостамов и Фрол Герасимов. Пока серьезные труженики принимались толково за свое дело, оскорбленные бездарности сошлись между собою и образовали коалицию против патриарха Никона; сильные поддержкою ничего не понимающих женщин и отъявленных старинолюбцев из бояр, Неронов и Петров начали проповедовать по Москве, что патриарх по скудоумию поддается наущениям киевлян, зараженных латинскою ересью, и допустил к делу уличенного латынщика, грека Арсения. В своих письмах к друзьям Неронов скромно обходит молчанием вопрос о неожиданной отставке и об исправлении книг, сознавая, конечно, в душе, что патриарх поступил по справедливости, но зато он усердно нападает на Никона за его жесткость и резкость в обращении, явно рисуясь своими страданиями и своим геройством. “Патриарх, – читаем мы в одном его письме, – мучитель, терзает свою братию членов церкви, творит над ними поругание, одних расстригает, других проклиная. Беззаконное дело будет быть у него в послушании без прекословия. Он хочет, чтоб мы просили у него прощения; пусть он у нас просит! Государь всю свою душу и всю Русь положил на патриархову душу; нехорошо так мудрствовать государю!” За такое явное подстрекательство к неповиновению высшей духовной власти энергичный начальник распорядился бы гораздо круче, чем на первых порах поступил Никон. Этот патриарх, которого Н. И. Костомаров обвиняет чуть не в мании

величия, не знал даже, до каких пределов может прийти религиозное изуверство и фанатизм ограниченных людей; он рассчитывал повлиять на членов оппозиции более мягкими мерами, предполагая в них более здравого смысла и благоразумия. Большая часть непокоренных была давно знакома ему, многие из них были земляками его по месту рождения – а это отчасти и разжигало страсти; все эти Павлы, Иоанны и Аввакумы с горечью относились к тому, что их, природных поповичей, взялся учить и муштровать мужицкий сын, которого чуть не на их глазах простая бабамачеха таскала за вихры. Между тем, серьезный и осторожный патриарх, желая придать более беспристрастный характер своим отношениям к оппозиции и самой реформе поставить на нейтральную почву, отправил к константинопольскому патриарху Паисию длинное письмо через какого-то грека Эммануила; невольно смотря на Паисия как на своего учителя, Никон предложил ему в письме 26 вопрошений, которые касались различных сторон богослужебных обрядов и в том числе спорных пунктов. Вместе с тем, Никон высказывал свое неудовольствие на поведение коломенского епископа Павла, приходившегося шурином патриарху по линии умершей уже жены последнего, Настасьи Ивановны, протоиереев Неронова, Петрова и на их сообщников. Опасаясь своего пристрастия, московский патриарх обращался за советом к константинопольскому: как поступить ему с непослушными, чтобы соблюсти справедливость?

Ответ из Константинополя был доставлен только в 1655 году. Патриарх Паисий извещал, что он созывал в Константинополь поместный собор, на котором “вопрошения” Никона были рассмотрены и затем на них были составлены ответы.

“Вижу, – писал Паисий, которому нравилась роль верховного учителя, – в грамотах преблаженства твоего, что ты жалеешь о несогласиях, возникших по поводу некоторых церковных чинов, и думаешь, что это различие чинов растлевает веру нашу. Хвалим твою мысль: кто бережется малого преступления, тот соблюдается от великого. Еретиков и раздорников следует убегать, если они соглашаются в самых важных предметах, но не вполне согласны с православием и придерживаются чего-нибудь своего, чуждого церковной и соборной мысли. Но если случится, что какая-нибудь церковь различествует от другой в некоторых не особенно важных и несущественных вещах, то есть не прикасающихся свойственным составам веры, например, во времени отправления богослужения и тому подобном, то это не должно быть поводом к разлучению, лишь бы только непреложно сохранялась та же вера. Церковь наша не сначала приняла на себя тот образ и последование, какое держит

ныне; не сразу, а помалу”. При этом Паисий ссылается сначала на Епифания Кипрского в том, что церковь в разных местах принимала различные степени поста и мясоедения, потом на Василия Великого, из которого видно, что неокесарийская церковь не принимала того, что принималось в других местах. Затем патриарх продолжает: “Не следует и ныне думать, будто наша православная вера развращается оттого, если один говорит свое последование немного различно от другого в несущественных вещах, лишь бы только согласовался в важнейших, свойственных соборной церкви”. Представив подробное объяснение литургии, Паисий говорит: “Именем Иисуса Христа молим твое преблаженство, утоли эти распри твоим разумом; не подобает ссориться рабам господним, а наипаче в вещах неважных и несущественных; увещевай их принять сей чин, который мы пишем вам, которого держится вся восточная церковь. Изначала у нас, по преданию, он сохраняется; ни в единой вещи не было изменения; за это нам хвала, потому что прочие церкви, отделившись от нас, приняли многие нововведения, а мы ничем не растлеваемся”. Переходя к послушникам патриаршей воли, Паисий сурово порицает их и дает совет подвергнуть их отлучению, если они не примут нелицемерно все так, как “держит и догматствует церковь”, он сравнивает их с арианами, кальвинистами и лютеранами, которые под видом исправления покинули “недвижное и истинное” в церкви... “Все это знамение ереси и раздора, и кто так говорит и верует, как они, тот чужд православной нашей вере. Их молитвы – хулы, потому что они полагают в сомнение моление наших святых и затевают вводить новые чины, которым мы никогда не научились от наших отцов, предавших нам веру”. Относительно крестного знамения патриарх Паисий указывает на сложение трех первых перстов как на древнейший обычай поклонения и различает молебное перстосложение от благословящего. “До нас дошло, – замечает патриарх в конце письма, – что в ваших церковных чинах есть еще кое-какие различия, не согласные с нашею восточною церковью; удивляемся, что ты о них не спрашиваешь. Желаем, чтобы все это исправилось”. И при этом Паисий порицает русских за то, что в их церквях женщины и мужчины сходятся вместе и во время богослужения не стоят раздельно: “Женщине следует безмолвствовать, а тут невозможно сохранять безмолвие, когда сойдется с женщинами много мужчин разного возраста”.

Вникнув в содержание обстоятельного письма Паисия, Никон снова предложил Алексею Михайловичу созвать собор, который на этот раз вышел блестящим и представительнейшим: кроме большого числа русских епископов, в Москве были антиохийский патриарх Макарий, сербский

патриарх Гавриил и митрополиты Григорий Никейский и Гедeon Молдовлахийский. Выслушав ответ константинопольского патриарха, собор постановил выполнить его указания и держаться решения предшествовавшего московского собора, то есть продолжать по-прежнему исправление текста богослужебных книг. Патриарх Макарий энергически подтверждал правильность троеперстия. “Мы приняли, – заявил он, – предание изначала веры от св. апостолов и св. отцов и семи соборов творить знамение честного креста тремя первыми перстами десной руки, и кто из христиан православных не творит крестного знамения по преданию восточной церкви, сохраняемого от начала мира до сих пор, тот еретик и подражатель арменов; того ради, мы считаем такового отлученным от Отца и Сына и св. Духа и проклятым”. Никейский митрополит добавил к этому: “На том, кто не крестится тремя перстами, пребудет проклятие трехсот восьмидесяти святых отцов, собравшихся в Никее, и прочих соборов”. Таким образом, этот собор объявил решительную войну двуперстному сложению.

Беспристрастная история отметила тот непреложный факт, что всякая идея на религиозной основе, как бы она ни была нелепа сама по себе, становится живучею, если ее захотят истребить насильственным путем; подтвердить это может вся история христианства, в которой кровавые страницы отмечают борьбу с арианами, несторианами, манихеями, альбигойцами, гуситами, лютеранами и русскими старообрядцами. Никон, несмотря на свой природный ум, силою обстоятельств вращался с самого детства в такой умственно ограниченной среде, что не мог достичь понимания этого важного исторического закона, а потому, поддержанный нравственно постановлениями московских соборов, решительно взялся за очищение русской церкви от всего нанесенного с течением времени невежественным русским духовенством и этим дал возможность своим противникам предстать мучениками, к которым примкнули все те элементы, какие нашлись в обширной России и которые были политически недовольны московскими порядками. Вот почему на первых же порах раскол ярче вспыхнул в пределах бывшей новгородской республики, перекинулся к казацкой вольнице на Дон и Яик, а с беглыми ушел в Сибирь и прочно осел там.

В изданном вскоре после второго собора “Служебнике” с исправленным текстом появилось предисловие, в котором изложены поводы, побудившие патриарха к исправлению богослужебных книг, и деяния первого поместного собора, одобrivшего предприятие Никона. Этот “Служебник” предписано было рассылать повсюду и немедленно

вводить в употребление; патриарх рассчитывал по простоте душевной, что у священников хватит здравого смысла настолько, что они проникнутся доводами предисловия и в таком духе станут поучать народ; последствия показали его ошибку. Вслед за тем грек Арсений окончил перевод с греческого книги “Скрижаль”, заключающей в себе порядок и объяснение литургии и таинств: сюда было добавлено изложение бывших при Никоне поместных соборов, ответ константинопольского патриарха Паисия и статьи, относящиеся к вопросу о крестном знамении в защиту троеперстного сложения. В апреле 1656 года был созван третий поместный собор, на который Никон представил свою “Скрижаль”; собор утвердил ее и еще раз произнес проклятие над двуперстниками, а вместе с тем, предано проклятию слово какого-то Феодорита, на которого ссылались двуперстники как на авторитет. Рьяные противники реформы с ужасом толковали, что Никон и согласные с ним члены собора признали, таким образом, еретиками всех святых русской церкви, которые, без сомнения, употребляли двуперстное знамение.

По совету, данному константинопольским патриархом Паисием, Никон решился наконец поступить жестче с ослушниками своей воли, но решился опять-таки не сразу, как это видно из автобиографии Аввакума Петрова: “В пост Великий прислал память к Казанской к Неронову Иоанну. В памяти Никон пишет год, число: *по преданию святых апостол и святых отец не подобает в церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и тремя персты бы крестились*. Мы же задумались, сошедшись между собою: видим, яко зима хочет быти; сердце озябло и ноги задрожали. Неронов приказал мне церковь, а сам один скрылся в Чудов, седмицу в палатке молился и там ему от образа глас был во время молитвы: *время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати*. Он же мне плачучи сказал, таже коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем сжег в новгородских пределах, потом Даниилу, костромскому протопопу, таже сказал и всей братии. Мы с Даниилом написахом из книг выписки о сложении перст и о поклонах и подали Государю. Много писано было. Он же, не вем где, скрыл их; мнит ми ся, Никону отдал”. Только после всего этого Павел Коломенский был лишен сана и сослан в один из новгородских монастырей, Неронов же был лишен скуфьи^[7] и затем сослан в Вологодский Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере, откуда его перевели в Кольский острог. Царский духовник Стефан Вонифатьев, лишенный должности, которую занял протоиерей Лукиан, скоро покорился и сам стал ходатайствовать за Неронова, который, получив прощение Никона, постригся в монахи под именем Григория и

вскоре умер, оплаканный как первая жертва никонианцев. Аввакум Петров, самый фанатичный противник преобразования, был схвачен стрельцами, продержан около месяца в Андрониевом монастыре и затем с женою и детьми отправлен в Даурию на поселение, хотя архиепископ Тобольский Симеон долго не отпускал его из Тобольска, очевидно, сочувствуя “страстотерпцу”. Протоиерей Логгин Муромский, Данила Костромской, Данила Темниковский и архимандрит Ферапонт Чудовской были разосланы по разным городам в тюремное заключение и там, взмучив народ, скоро умерли. Но, ясное дело, этими ссылками и заточениями нельзя было прекратить волнение, которое только разрасталось при появлении “мучеников”. Когда патриарх разослал свои новые богослужебные книги и приказал служить по ним и креститься тремя перстами, ропот поднялся разом во многих местах: протоиереи Никита Пустосвят Суздальский и Лазарь Романовский возбудили народ к неповиновению, а Соловецкий монастырь, исключая немногих старцев, восстал в 1666 году, руководимый старцами Никанором, Азарием и Геронтием.

Глава VI. Патриарх и великий государь

“Великий Государь, святейший Никон, архиепископ Московский и Всея Великия, Малыя и Белья России и многих епархий, земли же и моря сея земли патриарх”, – вот официальный титул, который сам государь употреблял в документах. Подготовленный Алексеем Михайловичем еще в звании архимандрита быть докладчиком по жалобам на приказных и на воевод, Никон привык вмешиваться в светские дела; в Новгороде это вмешательство усилилось вследствие прямо выраженного желания царя видеть в митрополите не только ходатая за обиженных, но и контролера над местною администрациею. Очевидно, достигнув патриаршего престола, “собинный друг” не мог исключительно заниматься духовными делами; Алексей Михайлович сам привык часто обращаться к нему за советами и поступать согласно его указаниям. Своевольным и надменным боярам не нравилось, что “чернец из мужиков” принимает с ними тон начальника, он больше приказывает, чем просит, ни в какие сделки не вступает и прямо дает почувствовать, что он “второй Великий Государь”. Этот второй государь был энергичнее, последовательнее и строже добродушного Алексея Михайловича, податливого на лесть и охотно выслушивающего придворные сплетни. Никон не стеснялся в выборе выражений и в своих действиях, если замечал несогласие, по его мнению, со святостью веры и со справедливостью царя. Доставили многим “либералам” того времени иконы иностранного мастерства – Никон возмутился этим и без рассуждений велел отобрать иконы как не соответствующие общепринятому византийскому складу; затеяли бояре развлекаться музыкою во время поста – патриарх нашел это безнравственным, арестовал почти пять возов различных музыкальных инструментов, свез все это за Москву-реку и там торжественно сжег. Заводчик и пушкарь Питер Марселис позволил себе курить в присутствии патриарха, и за это его высекли кнутом, тем более, что Никон ненавидел “богомерзкое зелье, чертову траву”, то есть табак. Недоверчивый к иноземному, как большинство русских того времени, Никон трудно сходилась с заморскими обычаями и большую часть из них преследовал постоянно. Однажды, заметив на слуге боярина-дворецкого Никиты Ивановича Романова необычный наряд, он узнал, что это ливрея; немедленно эта ливрея была вытребована у царева родственника и изрезана на куски.

Такая строгость в преследовании иноземщины и всего противного

духу строгого православия усиливалась относительно духовенства. Если бояре не терпели патриарха Никона за постоянное вмешательство в мирские дела и за его резкие выходки, то духовенство было просто озлоблено из-за беспощадной строгости архипастыря и неизбежных притеснений его приказных. Никон требовал от священников трезвой жизни, точного исполнения треб и, сверх того, заставлял их читать в церкви поучения народу – новость, которая крайне не нравилась невежественному духовенству; а между тем, Никон не требовал больше того, что сам делал, будучи десять лет священником. Строгий пурист в делах веры, Никон становился беспощадным с нерадивыми, небрежными и склонными к вину; таких ему ничего не стоило посадить на цепь, помучить в тюрьме или же сослать куда-нибудь на нищенскую жизнь в бедный приход. Страшен был рослый мордвин, облачение которого весило до двенадцати пудов, и трепещущие священники в ужасе спрашивали: “Знаете ли, кто он? зверь лютый, медведь или волк?” Распущенность и тунеядство московского духовенства бросались в глаза, и патриарх, чтобы подтянуть и проучить священников, взял за правило часто переводить их из церкви в церковь, из прихода в приход. Это было разорительно не только в связи с неизбежными расходами при перемещении с места на место, но еще и потому, что такие переводимые священники должны были брать в Москве “перехожие” грамоты, а пока их не достанут, проживать в столице. Между тем, приказная братия, подчиненная патриарху, не дремала и исправно набивала свои карманы взятками, поборами и подарками, усиливая этим в огромных размерах общую нелюбовь к Никону. Если бы патриарх был поопытнее в приказных крючкотворствах, то можно наверное сказать, что большей половины притеснений и прижимок не существовало бы. Но патриарший дьяк Иван Кокошилов – наследие от патриарха Иосифа – бесцеремонно грабил всех, имевших дело в патриаршем приказе, не только сам, но даже через свою жену и прислугу. Никон по неопытности был в руках Кокошилова.

В то время, как бояре и духовенство не знали, как избавиться от досаждавшего им Никона, царь Алексей все больше и больше привязывался к своему “собинному другу”. Он ценил его практический ум, любовь к родной земле и понимание ее интересов; поэтому с переселением из Новгорода в Москву Никон, помимо обширного духовного ведомства, принимал деятельное участие в светских делах. До него важнейший доход казны – продажа напитков – отдавался обыкновенно на откуп, тем более, что откупная система применялась и в сборе налогов и пошлин. Патриарх, близко знакомый с народной жизнью, доказал царю, что откупной порядок

чересчур тягостен для народа и, кроме того, вредно отражается на его нравственности. Дело в том, что откупщики, заплатив в казну деньги вперед, старались всеми возможными способами вернуть эти деньги с процентами и, кроме того, разжиться на кабаках, которые становились разорительными притонами пьянства, мазурничества и всякого беззакония. Помимо всего этого, Никон справедливо указывал, что определенный процент, причитающийся откупщику, остался бы в казне, если виноторговля будет прямо от казны. Вследствие таких доводов, уже в 1652 году кабаки были заменены кружечными дворами, которые уже не отдавались на откуп, а содержались выборными людьми “из лучших” посадских и волостных людей, названных “верными головами”; при них состояли выборные целовальники, занимавшиеся и курением вина. Винокурение дозволялось всем, но с обязательством доставлять на кружечный двор определенное количество вина. Мера эта предпринята была как бы для уменьшения пьянства, потому что во все посты и по воскресным дням виноторговля запрещалась, и дозволялось только, как общее правило, продавать не более тройной чарки на человека; “питухам” на кружечном дворе и поблизости его не дозволялось пить. В 1653 году, по челобитью торговцев, введена однообразная “рублевая” пошлина по десяти денег с рубля; каждый купец, покупая товар на продажу, платил пять денег с рубля и с выпиской мог везти свой товар куда угодно, но платил остальные пять денег там, где продавал. “Рублевая” пошлина отменяла собою целый ряд мелких пошлин, что для купцов представляло большое удобство. В 1654 году, следуя той же системе, правительство уничтожило откупную систему на многих казенных сборах, а именно: пошлины с речных перевозов, с телег, саней, с сена, масла, кваса, рыбы и так далее; все эти прелести заводились не только в посадах и волостях, но и самими помещиками на своих землях. Царская грамота, уничтожая это ненавистное народу наследие татарского басурманства, прямо называет эти откупы “злодейскими”, как их называл и патриарх Никон.

Осложнившиеся в это время политические события также отразили на себе влияние “собинного друга”. Малороссия вела безуспешную, хотя блестящую борьбу с Польшею, и гетман Богдан-Зиновий Михайлович Хмельницкий не раз обращался к московскому царю с просьбою принять Приднепровье в подданство России. Бояре-советчики, окружавшие Алексея Михайловича, были настолько лишены исторического чутья и политических дарований, что, не понимая задачи Москвы-собирательницы, упирались всеми силами против присоединения Малороссии. Царь вполне разделял их взгляды, и только веские и убедительные советы Никона

заставили его иначе посмотреть на дело и постепенно перейти на сторону казаков. Благодаря этому московский посланник князь Борис Александрович Репнин-Оболенский явился 20 июля 1653 года в Краков и, напомнив польскому правительству старое требование о наказании лиц, делавших ошибки в царском титуле, объявил, что царь согласен простить виновных, если поляки помирятся с Хмельницким на основании Зборовского договора и уничтожат хитрое измышление иезуитов – унию^[8]. Паны-сенаторы ответили князю, что унию уничтожить невозможно, что такое требование равносильно тому, если бы поляки потребовали уничтожения православия в Московском государстве, что греческая вера никогда не была гонима в Польше, а с Хмельницким они не станут мириться не только по Зборовскому, но даже и по Белоцерковскому договору, и намерены привести казаков к тому положению, в каком они находились до начала восстания. Тогда князь Репнин объявил разрыв дипломатических отношений и сказал, что “царь будет стоять за православную веру, за святые Божий церкви и за свою честь, как ему Бог поможет!” После этого в Москве был созван земский собор, который открыл свои заседания 1 октября и решил, “что следует принять гетмана Богдана Хмельницкого со всем войском запорожским, со всеми городами и землями под высокую государеву руку”. Патриарх и все духовенство благословили государя и всю его державу, высказав при этом: “Мы станем молить Бога, Пресвятую Богородицу и всех святых о пособии и одолении”.

Комиссарами в Переяславль были отправлены боярин Бутурлин, окольничий Алферьев и думный дьяк Лопухин. 31 декабря они прибыли в дом полковника Павла Тетери, а 8 января 1654 года генеральная рада присягнула на подданство Алексею Михайловичу. 23 апреля состоялось торжественное отправление боярина князя Алексея Никитича Трубецкого с войском в Польшу; в Успенском соборе патриарх читал всему собранному войску молитву идущим на войну, причем поминал воевод по именам; затем царь пригласил бояр и воевод на парадный обед, за которым говорил два раза речь, угощал богородицыным хлебом, медом красным и белым и объявил при этом, что сам намерен проливать кровь на войне. “Если ты, государь, – отвечали ратные люди, – хочешь кровью обогреться, так нам и говорить после того нечего! Готовы положить головы наши за православную веру, за государей наших и за все православное христианство!” Через три дня после того совершилась новая церемония: все войско проходило мимо дворца, причем патриарх кропил его святою водою, а бояре и воеводы, сойдя с лошадей, подходили к переходам, где Алексей Михайлович спрашивал их о здоровье, и они кланялись ему в

землю. При этом Никон произнес речь, призывая на войско благословение Божие и всех святых; князь Трубецкой с воеводами поклонился патриарху в землю и также отвечал речью, наполненную цветистыми выражениями, и обещал от лица всего войска “слушаться учительных словес государя патриарха”. Посетив различные святыни и подкрепив себя молитвою, Алексей Михайлович отправил вперед себя икону Иверской Божией Матери и 18 мая выступил в поход, сопровождаемый дворовыми воеводами. Заметим при этом, что в эту войну впервые сражалась часть войска под названием “солдат”, заведенных в 1649 году в заонежских погостах как ядро и зародыш будущего регулярного войска в России.

Отправляясь в поход, Алексей Михайлович доверил патриарху Никону как своему ближайшему другу всю царскую семью, свою столицу и поручил ему наблюдение за правосудием и ходом дел в приказах; другими словами, Никон был назначен регентом государства. Соединяя в своих руках духовную и светскую власть, деятельный и не знающий усталости Никон, естественно, навел страх на всех своих недоброжелателей и заставил их смириться. Ничего не могло сделаться в боярской думе без ведома и благословения великого государя патриарха; в качестве верховного правителя государства Никон писал грамоты по разнообразным предметам, в которых писалось: “Указал Государь, царь, великий князь всея Руси, Алексей Михайлович, и мы, Великий Государь...”. Осенью 1654 года появилась в Московском государстве заразная чума, принесенная, вероятно, через Астрахань из Персии, и патриарху было немало хлопот с этим, как народ называл, “Божьим наказанием”. Царица Марья Ильинична с детьми бежала из Москвы сначала в Троице-Сергиеву лавру, потом в Калязин, в Макариев-Троицкий монастырь, наконец, в городок Вязьму, так как в столице свирепствовала страшная смертность. Размеры этой смертности можно видеть из того, что в Чудовом монастыре из 208 монахов в живых осталось 26; в Воскресенском монастыре из 118 монахинь спаслось 38; в домах бывшего временщика Бориса Ивановича Морозова жило 362 человека, осталось в живых 19; в домах князя Алексея Никитича Трубецкого из 278 человек уцелело только 8; в Кузнецкой черной сотне из 205 человек спаслось только 32, а в Новгородской сотне из 510 человек осталось 72. Патриарх Никон сделал распоряжение поставить в разных местах заставы, чтобы на время заразы пресечь сообщение с войском, при котором находился царь, затем приказал заложить в Москве царские кладовые кирпичом и не выпускать никого с тех дворов, где появится зараза. Когда последняя усилилась, патриарх сам выехал в Калязин, поручив Москву боярину князю Михаилу Петровичу Рыбину-Пронскому.

Правительство приказывало устраивать на дорогах заставы с тем, чтобы не пропускать едущих из зараженных местностей, но это мало помогало, так как всякого пропускали на совесть, хотя за обман положена была в этом случае смертная казнь, равно как и за сообщение с зачумленными. После смерти зачумленных сжигали их платья и постели, зараженные дворы и прочие постройки промораживались недели две, после чего приказывали топить можжевельником и полынью, думая, что этим разгоняется зараза. Однако бедствия этим не кончились, и зараза появлялась в 1655 и 1656 годах, захватывая обширные районы. В Калуге из 2.613 жителей уцелело всего 777 человек, в Переяславле-Рязанском – из 3.017 человек – только 434, в Переяславле-Залесском из 4.566 человек осталось 939, в Туле из 2.568 человек – только 760, в Кашинском уезде из 2.747 посадских остались в живых 908 человек, в Торжке, Звенигороде, Угличе, Суздале и Твери число умерших было менее числа оставшихся, в Костроме, Нижнем Новгороде и окрестных городах зараза была еще легче, хотя косила народ исправно. Люди от страха разбегались куда попало, а другие, пользуясь общим переполохом, пустились на воровство и грабежи. В самой Москве двуперстники начали возмущать народ и толковать ему, что бедствие постигает православных за еретического патриарха, бежавшего из города в минуту опасности; взволновавшаяся толпа собралась на сходку к Успенскому собору, куда явился посадский Софрон Лапотников и принес икону Спасителя, на которой уже стерлось изображение. Лапотников стал уверять, что образ был выскоблен по приказанию патриарха и ему, Софрону, было от этого образа видение: велено показать его мирским людям, чтобы все восстали за поругание икон. Вскоре какая-то женщина из Калуги стала кричать всенародно, будто ей тоже было видение, запрещавшее печатать исправленные по указаниям киевских еретиков книги. Так как строгий патриарх не давал спуска тунеядцам-священникам, то многие из них находились в Москве под запрещением, а теперь, пользуясь случаем, являлись повсеместными возмутителями толпы. Оставленный в столице князь Рыбин-Пронский с большим трудом успокаивал народ, но вопрос о состоявших под запрещением священниках был настолько важен, что старосты и сотские московских сотен и слобод, не приставите к мятежникам, били челом патриарху ради всеобщего упокоения, чтобы он разрешил служить опальным священникам, так как множество церквей остается без богослужения, некому напутствовать умирающих и погребать мертвых. В ноябре 1655 года Алексей Михайлович возвратился торжественно из похода в Москву и был встречен тремя патриархами: Всероссийским,

Александрийским и Антиохийским; достигнув лобного места, при колокольном звоне и пушечных выстрелах царь приказал спросить весь мир о здоровье; вся несметная толпа народа гаркнула “многие лета” государю и поверглась на землю. Освобожденный от забот регентства, Никон получил от благодарного царя официальный титул Великого Государя и материальную поддержку для осуществления своего давнишнего желания: создать монастырь на том безлюдном островке Кие, на который был выброшен более двенадцати лет тому назад монах Никон, бежавший с Соловков. Действительно, в 1656 году на месте деревянного креста, когда-то водруженного двумя беглецами, лично патриархом было положено основание Крестному монастырю “Ставрог”. В том же году была окончена в Москве постройка каменного патриаршего дома (ныне синодальная контора), а при ней церковь Двенадцати апостолов, выстроенная по образцу Константинопольской того же названия, и Крестовая палата, где происходили церковные соборы, а теперь совершается мироварение^[9]; последний собор был в 1720 году.

Занимаясь хозяйственными делами, Никон не оставлял без внимания и государственные дела. Приехавший в Москву имперский посол Алегретти, родом из Рагузы и свободно говоривший по-русски, сумел повлиять на патриарха, не любившего протестантов, и на тогдашних дипломатов: окольного Хитрова и думного дьяка Алмаза Иванова; они втроем приложили все усилия, чтобы окончить военные действия против Польши и начать их против Швеции, король которой, Карл-Густав, покорил почти все коронные польские земли. Уже 17 мая 1656 года царь, убежденный “собинным другом”, приказал объявить разрыв шведскому посланнику Густаву Бельке, а в Вильно послал договариваться о мире князя Никиту Ивановича Одоевского. Тем временем Никон вынужден был написать всенародную грамоту, в которой убеждал не верить размножившимся до невозможного различного рода прорицателям и сновидцам, доказывая текстами из Священного Писания, что убегать от моровой язвы и вообще от бедствия вовсе не составляет греха. Но голос далеко и высоко стоящего патриарха заглушался священниками-двуперстниками, хранителями и ревнителями древнего благочестия, и народ больше верил врагам Никона, жившим среди народа, чем ему.

Богослужебная реформа, серьезно задуманная Никоном, исполнялась добросовестно ученым Епифанием Славинецким, на знания и честность которого приходилось полагаться безусловно, так как контролировать его было некому. Между тем, исправленные Славинецким богослужебные книги употребляются до сих пор без изменений не только в России, но и в

славянских православных землях. Были изданы: “Служебник” с предисловием Славинецкого, “Часослов”, обе “Триоди”, постная и цветная, “Следованная псалтырь”, “Общая минея”, “Ирмолог” и “Новая Скрижаль” с объяснением литургии. Вместе с исправленными богослужебными книгами необходимо было издать также церковные законоположения в исправленном виде; с этою целью Славинецкий перевел “Правила св. апостолов”, “Правила вселенских и поместных соборов”, “Номоканон” Фотия с толкованиями византийских юристов Вальсамона и Властаря, наконец, “Собрание церковных правил и византийских гражданских законов” Константина Арменопуло. Покончив с юридическим отделом, неутомимый труженик обратился к писаниям св. отцов и перевел много сочинений, из которых некоторые были уже давно известны и любимы в славянских переводах, и тем нужнее было издать их в более правильном виде; сюда относятся четыре “Слова Афанасия Александрийского”, пятьдесят “Слов Григория Богослова”, “Беседа Иоанна Златоустого на пятидесятницу”, “Беседа Иоанна Дамаскина о православной вере” и “Слово о поклонении иконам”. Кроме того, ввиду безобразного искажения жития святых, Славинецкий перевел и напечатал жития Алексея Божьего человека, Федора Стратилата, великомученицы Екатерины и других. Не ограничиваясь в своих переводах одними религиозными сочинениями, Славинецкий оставил немало переводов светских сочинений по истории, географии, педагогике и даже анатомии.

При этом необходимо заметить, что литературное достоинство переводов ученого иеромонаха не могло особенно привлекать даже читателей; в переводе богослужебных книг встречаются тяжелые и неудобопонятные обороты, а уж тем более – в его самостоятельных произведениях. Вот образчик его слога в одном из поучений: “Изсеките душевредное стволие неправды богоизошренным сечивом покаяния, искорените из сердец пагубный волчец лукавства, сожгите умовредное терние ненависти божественным пламенем любви, одождите мысленную землю душ небесным дождем евангельского учения, наводните ее слезными водами, возрастите на ней благо-потребное былие кротости, воздержания, целомудрия, милосердия, братолюбия, украсьте благовонными цветами всяких добродетелей и воздайте благой плод правды”. В переводах его слог еще более неясный: “Всяка икона изъяснительна есть и показательна, яко что глаголю, понеже человек ниже видного, нагое имать знание телом покровенней души, ниже по нем будущих, ниже местом расстоящих и отсутствующих, яко местом и летом описанный к наставлению знания и явление и народствование

сокровенных, примыслися икона всяко же к пользе и благодеянию и спасению, яко да столествуем и являемым вещем раззнаем сокровенная”. Как переводчик Славинецкий злоупотреблял буквалистским методом и хотел переводить как можно ближе к подлиннику, но, вместо того, чтобы передавать смысл подлинника оборотами, свойственными русско-славянскому языку, он создавал произвольно славянские слова на греческий лад и вводил в славянскую речь греческую конструкцию. Заметим здесь, кстати, что Епифаний Славинецкий умер в Москве 19 ноября 1675 года.

Глава VII. Разрыв и отречение

Царь Алексей Михайлович пробыл на войне с 18 мая 1654 по ноябрь 1655 года, и эти полтора года лагерной жизни, проведенные вне Москвы, покинутой первый раз в жизни, в совершенно новой обстановке, оставили глубокий след в характере царя. Он сбросил с себя прежнюю сдержанность и из богатого помещика, каким он, в сущности, был первые годы правления, постепенно превратился в царя; не теряя своего обычного добродушия, Алексей Михайлович сделался недоверчивее, реже стал появляться народу и после московских мятежей принял целый ряд предосторожностей: так, царское жилище постоянно охранялось вооруженными воинами, никто не смел подойти к дворцовой решетке, никому не дозволялось подавать прошение царю лично, при выезде царя окружали стрельцы. В заключение всех мер был создан приказ тайных дел, положивший начало тайной полиции. Между тем, лагерная жизнь, где господствовала большая дисциплина, чем в боярской думе, приучила царя быть самостоятельнее, он проникся убеждением, что он – верховный властелин земли русской, тем более, что успехи оружия покрывали его славою, а регент, оставленный в Москве, по всем важным вопросам посылал гонцов в лагерь к царю. Идея самодержавия развивалась при самых благоприятных условиях, а особенно после провозглашения царя в Вильно великим князем Литвы. По возвращении в Москву Алексей Михайлович был искренне убежден, что в нем одном Россия имеет залог своего благоденствия и дальнейшего развития, что он один, самодержавный царь, может справиться с тяжелой задачей управления страной; это было тем более справедливо, что его окружали бездарности и посредственности, умевшие только спорить о местах и алчно кидаться на царские подачки. Естественно, что первое же столкновение с “собинным другом” оставило в царе неприятное впечатление, и если он не распорядился круто, во вкусе Ивана IV, то виною была его нерешительность, от которой он не смог избавиться за всю свою жизнь и чем умело пользовались окружающие. Столкновения же были по следующим поводам: какой-то дворянин совершил убийство, за что был осужден на казнь, и прибегнул к защите царского духовника Лукиана; тот стал просить у Алексея Михайловича помилования для преступника, но получил резкий отказ и за это не допустил его к причастию; царь пожаловался Никону, но патриарх оправдал поступок духовника. Вскоре

затем Алексей Михайлович задумал развестись с Марьей Ильиничною; хотя царица никогда не благоволила особенно патриарху, но последний энергично стал противиться разводу, и царь вынужден был, во избежание соблазна, уступить. За то Богоявленский монастырь в Полоцке, зависевший непосредственно от патриарха, был отдан царем в управление епископа Полоцкого Клялиста, несмотря на все протесты оскорбленного самоуправством Никона.

С другой стороны, необходимо припомнить постоянное соперничество теократизма с монархизмом, проходящее через всю историю рода человеческого; эти два начала, духовное и светское, вели вековую борьбу из-за преобладания в стране, и верх брала, конечно, та сторона, во главе которой была более энергичная и более талантливая личность. Пробегая мысленно ряд столетий, мы видим, что в Индии теократизм был так силен, что его не могли побороть ни восстания могущественных кшатриев, ни вторжения мусульман под начальством Баберидов, ни власть английских штыков, так что брамины сохранили и поныне то же могущество, которым обладали несколько тысячелетий тому назад. В Египте монархизм был сильнее, но и там верховным жрецам Ни-Аммуна (стовратных Фив) и Са (Саиса) удавалось брать на себя управление страной, низвергая царствующие династии. В Мидии, Вавилоне и Персии теократизм был еще слабее, но и там бывали не раз попытки подчинить себе царей. Неизменная идея теократизма повторялась и в христианстве в лице римских пап, добивавшихся полного подчинения своей власти всего христианского мира и не отказавшихся от исполнения этой мысли до настоящего времени. Из этого мы видим, что духовенство всех времен и народов всегда стояло в оппозиции светской власти и борьба между ними, в самых разнообразных формах, тянется от создания первого государства на земле до сегодняшнего дня. Суровый и прямодушный Никон, возвысаясь до звания патриарха Всероссийского, вполне закономерно был предан душою и телом идее теократизма и стремился поставить власть патриарха выше власти царя. За такое в светском смысле революционное направление обвинять Никона невозможно, так как логического вывода идеи теократизма держится, строго говоря, все духовенство христианское и нехристианское, если во главе его стоят патриархи, папы, первосвященники, мастера-строители, верховные маги, старцы гор, брахматы, шейх-уль-исламы и другие.

В подтверждение того, что разрыв дружеских отношений Алексея Михайловича с Никоном произошел именно вследствие того, что они являлись представителями двух соперничающих начал – теократического и

монархического, – приводим отрывок из письма Никона Дионисию, патриарху Константинопольскому: “У Его Царского Величества составлена книга (“Уложение”), противная Евангелию и правилам св. апостолов и св. отцов; по ней судят, ее почитают выше Евангелия Христова. В той книге указано судить духовных архиереев и их стряпчих, детей боярских, крестьян, архимандритов, и игуменов, и монахов, монастырских слуг, и крестьян, и попов, и церковных причетников в монастырских приказах мирским людям, где духовного чина нет больше. Много и других пребеззаконий в этой книге! Мы об этой проклятой книге много раз говорили Его Царскому Величеству, но за это я терпел уничижение и много раз меня хотели убить. Царь был прежде благоговей и милостив, во всем искал Божьих заповедей и тогда милостью Божиею и нашим благословением победил Литву. С тех пор он начал гордиться и возвышаться, а мы ему говорили: перестань! Он же в архиерейские дела начал вступаться, судами нашими овладел: сам ли собою он так захотел поступать, или же злые люди его изменили? Он уподобился Ровоаму, царю израильскому, который отложил совет старых мужей и слушал совета тех, которые с ним воспитывались”.

Кроме чисто принципиальной вражды, сюда присоединились интриги и сплетни тех людей, которые окружали царя и, что, очень естественно в данном случае, льнули и тяготели к монархизму, так как он давал им больше индивидуальной свободы, чем теократизм, представителем которого являлся беспощадный и прямолинейный монах-мордвин. Обладая гибким и лстивым языком, боярство и родовая знать не могли простить патриарху его происхождения, они ненавидели его за то, что он оттер их от царя до такой степени, что этот самый царь заставил их в ноги кланяться мужику-монаху и умолять его принять патриарший сан; эта-то ненависть и сделала их еще более речистыми. Оскорбленное самолюбие мелких в нравственном смысле людей не нашло другого оружия, как сплетни, и поэтому языки мужские и женские деятельно заработали в Москве. На патриарха сплетни сыпались градом: он-де хочет уничтожить православие, он хочет провозгласить себя папою, он ни во что не ставит царскую волю, он корыстолюбив, он убийца, он состоял в любовной связи с царевною Татьяною Михайловною, – и еще масса всякого вздора, разжигавшего страсти и усиливавшего вражду. Взгляд Никона на окружающих царя был приведен выше: “Их дело повиноваться властям, а не умствовать”, – поэтому понятно, как негодовал он, видя, что царь охотно выслушивает умствующих и видимо уклоняется от тех сердечных отношений, которые были между ними раньше. Бояре и придворные долго сдерживались и

таили в себе вражду против патриарха, сознавая, что с царем, добродушным в обращении и нерешительным в поступках, ничего все-таки не поделаешь, но раз они почувствовали перемену в обращении “тишайшего” с патриархом, то, вполне естественно, принялись усердно поддерживать и раздувать враждебное настроение, не сознавая, быть может, причины, вызвавшей охлаждение между Алексеем Михайловичем и Никоном.

Еще летом 1657 года отношения между царем и патриархом были внешне настолько хороши, что только изощрившиеся придворные умели подмечать набегавшие тучки. В это время Никон занимался созданием нового монастыря, под который он приобрел землю верстах в сорока от Москвы, по берегу реки Истры, у дворянина Романа Боборыкина. Условия, на которых состоялся переход земли от одного владельца к другому, не вполне известны и больше основывались на совести, но Боборыкин принадлежал к числу таких людей, которые низко кланяются и раболепно уступают людям сильным, а затем, при первой возможности, начинают сутяжничать, оббивая пороги по всем судебным инстанциям. Приобретая землю и не заботясь о личности Боборыкина, который остался соседом, Никон сравнял холмистую местность, с трех сторон окопал рвом, вдоль которого выстроил деревянную ограду с восемью башнями, а посередине – деревянную церковь. Когда последняя была готова, патриарх пригласил Алексея Михайловича со всем семейством на освящение. Царю понравилась живописная местность, и он сравнил ее с Иерусалимом; такое сравнение приятно поразило Никона, и он задумал создать подобие настоящего Иерусалима; с этой целью келарь Суханов был снова послан на Восток, чтобы разыскать и привезти точный снимок с иерусалимского храма Воскресения. Пока келарь ездил в Палестину, патриарх дал различные названия окрестностям возникающей обители, напоминающим святые места: появились Назарет и Рама, село Скудельничье, горы Елеонская, Фавор и Гермон, а Истру переименовали в Иордан. Алексей Михайлович как набожный человек сделал пожертвование Новому Иерусалиму, царица Марья Ильинична тоже, и постройка подвигалась вперед, но так же постепенно усиливалось охлаждение между царем и патриархом, так как ни один из них не хотел уступать другому в основном вопросе. Агитация против патриарха среди придворных и одновременно противников троеперстия усиливалась, и в июле 1658 года состоялся явный разрыв, поводом к которому послужила вздорная случайность.

В Москву приехал грузинский царь Теймураз Давидович, и поэтому во дворце был большой обед, на который патриарха не пригласили. Кроме

этого знака неуважения к особе “второго государя”, патриарший стряпчий князь Дмитрий Мещерский был побит окольниковым Богданом Матвеевичем Хитрово в толпе. Князь пожаловался патриарху на обиду, и Никон написал царю письмо, в котором просил суда за оскорбление своего стряпчего; царь отвечал собственноручно: “Сыщу и по времени сам с тобою видеться буду”. Однако прошло несколько дней, а Алексей Михайлович не подумал повидаться с Никоном и не произвел следствия об оскорблении князя Мещерского; очевидно, явно враждебные действия против “собинного друга” боярство и придворные позволили себе с ведома и одобрения царя, который, наконец, решился покончить с упорным сторонником теократизма. 8 июля, в день Казанской Божией Матери, царь не явился ни к вечерне, ни к обедне, не желая встречаться с патриархом, хотя тот приглашал его. 10 июля, в праздник Ризы Господней, повторилось то же самое, но в ответ на приглашение в Успенский собор царь прислал стольника, князя Юрия Ромодановского, для объяснений. Эти объяснения, повторяемые и позднее, юридически нелепы и бессмысленны, но получают серьезное значение с точки зрения, приведенной выше.

– Царское Величество на тебя гневен, оттого он не пришел к заутрени и повелел не ждать его к святой литургии, – объявил князь Ромодановский.

– За что же царь на меня гневается? – спросил спокойно патриарх.

– Ты пренебрег Его Царским Величеством, – последовал ответ, – и пинешься Великим Государем, а у нас один Великий Государь – царь!

– Я называюсь Великим Государем не собою, – возразил Никон, – так восхотел и повелел мне Его Величество. На это у меня и грамоты есть, писанные рукою Его Царского Величества.

– Царское Величество почтил тебя яко отца и пастыря, и ты этого не уразумел. А ныне Царское Величество велел тебе сказать: отныне не пишись и не называйся Великим Государем; почитать тебя впредь не будет.

На этом беседа кончилась. Война была объявлена и объявлена в самой грубой форме. Никону объявили прямо, что почитать его царь не будет, следовательно, вместо “Великого Государя, свет-патриарха”, ему приходилось оставаться простым чиновником, которому дьяки и подьячие делали бы тысячи неприятностей. Не для этого принимал Никон патриарший сан, не для этого царь и бояре клялись ему в Успенском соборе 22 июня 1652 года, не для этого он переносил вражду всего двора. Обладая здравым смыслом простолюдина и не отличаясь никогда сентиментальностью, опальный патриарх понял, что ему не под силу бороться за принцип теократизма, тем более, что “один в поле не воин”. Вывод из этого был прямой: дожидаться, пока его с бесчестьем выгонят из

патриарших палат, было унижительно для гордого монаха, поэтому следовало уйти самому, отступить с честью. Решение это Никон сообщил в тот же день своему любимцу, патриаршему дьяку Каликину, заступившему место Кокошилова. Человек недалекого ума, Каликин пришел в ужас от внешней стороны дела: как это церковь останется без главы и руководителя! Сознавая себя бессильным отговорить владыку, он побежал к боярину Зюзину за советом. Честный и прямодушный старик, Никита Зюзин был дитя своего времени и взглянул на все дело с практической стороны: отречение от патриаршего престола означало отречение от власти, почета, доходов и даже от средств к жизни. Пользуясь тем, что он назывался другом Никона, Зюзин велел Каликину передать патриарху, чтобы он не гневил государя, а то захочется после вернуться назад, да будет поздно. Под впечатлением такого совета Никон задумался: в нем мелькнула соблазнительная мысль помириться с царем назло этим прихлебателям-придворным; однако Никон знал Алексея Михайловича лучше всех тех, которые писали о “тишайшем государе” за последние 200 лет, он знал, что примирение возможно лишь при условии уступки по существу дела, а на это патриарх не мог согласиться, это значило бы отречься от самого себя. Благодаря этим размышлениям начатое письмо было разорвано, он громко проговорил: “Иду!”, – и велел службе Шушере купить для него простую поповскую палку.

11 июля патриарх отслужил в Успенском соборе литургию, а во время причастия дал приказание не выпускать никого из церкви, так как он намерен сказать поучение. Прочитав одно из поучений Иоанна Златоустого, Никон продолжал говорить от себя: “Ленив я стал, не гожусь быть патриархом, окоростевел от лени, и вы окоростевели от моего неучения. Называли меня еретиком, иконоборцем, что я новые книги завел, камнями хотели меня побить. С этих пор я вам не патриарх...”. От такой неожиданной речи в соборе поднялся шум, заглушивший окончание слов Никона; не обращая на это внимания, патриарх окончил свою речь, разоблачился, ушел в ризницу, где написал Алексею Михайловичу письмо, надел мантию и черный клобук, вышел опять к народу и сел на последней ступени амвона, на котором облачаются архиереи. Встревоженный народ стал кричать, что не выпустит его без государева указа, а между тем два митрополита бросились во дворец с донесением. “Я будто сплю с открытыми глазами!” – заметил пораженный неожиданностью царь и послал в собор князя Алексея Никитича Трубецкого и Родиона Матвеевича Стрешнева, у которого была собака Никон. Эти два заведомые врага патриарха едва пробрались в соборе к амвону.

– Для чего ты патриаршество оставляешь? – обратился к Никону бывший главнокомандующий. – Кто тебя гонит?

– Я оставляю патриаршество сам собою, – ответил Никон и вручил ему письмо для передачи в руки Алексею Михайловичу.

Некоторое время спустя посланные возвратились обратно из дворца и заявили от имени царя, чтобы патриарх не покидал своего места и должности.

– Даю место гневу Царского Величества, – возразил гордо Никон. – Бояре и всякие люди церковному чину обиды творят, а Царское Величество управы не дает и на нас гневает, когда мы жалуемся. А нет ничего хуже, как царский гнев сносить.

– Ты сам называешь себя Великим Государем и вступаешься в государевы дела, – повторил старое обвинение князь, который 26 июня 1654 года обещал слушать слова Государя-патриарха, а теперь не признавал за ним этого титула.

– Мы, – возразил Никон лукавому царедворцу, – Великим Государем не сами назвались и в царские дела не вступаемся, а разве о правде какой говорили или от беды кого-нибудь избавляли, так мы, архиереи, на то заповедь приняли от Господа, который сказал: “Слушай заповедь, Мене слушает”.

В заключение этого своеобразного разговора Никон просил передать Алексею Михайловичу его желание иметь свою келью как постоянное жительство; неподготовленные посланцы торопливо заявили, что на патриаршем дворе келий много и он может поселиться в любой. Тогда Никон снял с себя мантию, вышел из собора и, опираясь на поповскую палку, отправился на подворье своего Воскресенского монастыря. Здесь он пробыл двое суток, ожидая, конечно, оформленного решения царя или вызова для личных объяснений; но придворные употребили все усилия, чтобы “упрямый старик” не мог видаться и повлиять на царя, сконфуженного решительным шагом своего противника. Не дождавшись ничего, Никон уехал в любимый Воскресенский монастырь в двух плетеных “киевских” повозках, отправив предварительно письмо бывшему “собинному другу”: “По отшествии боярина вашего Алексея Никитича с товарищами ждал я от Вас, Великого Государя, милостивого указа по моему прошению; не дождался и многих ради болезней велел отвезти себя в Воскресенский монастырь”. Вслед за Никоном в монастырь явился тот же князь Трубецкой, который выразил следующее требование: “Поддай Великому Государю, Государыне-царице и их детям свое благословение, благослови того, кому Бог изволит быть на твоём месте патриархом, а пока

патриарха нет, благослови ведать церковью крутицкому митрополиту”. Прямодушный старик, решившийся отказаться от патриаршего престола после зрелого размышления и бывший выше корыстной придворной челяди, спокойно дал на все свое согласие и при этом бил челом о скорейшем избрании ему преемника, чтобы церковь не вдовствовала, не была беспастырною, а в заключение подтвердил, что он сам не желает быть патриархом: “Ради спасения душевного ищущ безмолвия, отрекаюсь от патриаршества и прошу себе только в управление монастыри Воскресенский, Иверский и Крестный; благословляю митрополиту Крутицкому Питириму управлять церковными делами”. В этих заботах о церкви выказывается серьезное отношение к делу: отстраняясь от руководства церковью по разногласию в принципах, Никон не желал, однако, чтобы эта церковь оставалась без главы в ту минуту, когда двуперстники угрожали ей серьезными враждебными волнениями.

Ревностно охраняя свои самодержавные права, Алексей Михайлович был, конечно, доволен тем, что так легко развязался с умным и энергичным противником; опасаясь вступать лично в пререкания с ним в решительную минуту, царь прикрылся гордостью и послал верных слуг переговариваться со строптивым слугою, бывшим недавно его лучшим другом и заместителем по управлению государством. Но не в характере царя было обращаться грубо с кем бы то ни было. Раз враг уступил, Алексей Михайлович не считал себя вправе притеснять его и выказывать вражду; поэтому, не обращая внимания на сплетни и интриги окружающих его, по возвращении князя Трубецкого царь послал Афанасия Матюшкина, своего стольника, передать Никону свое прощение. Спустя некоторое время в Воскресенский монастырь прибыл князь Юрий Алексеевич Долгоруков с поклоном от царя, причем рассказал Никону, что все бояре злобствуют на него, а расположены к нему только сам царь да он, князь Юрий. Все это Никон знал и раньше, но эти сообщения обнаруживали все ничтожество придворных интриганов, воображавших, что это они свалили грозного врага. Что касается самого Никона, неутомимый старик, утратив обширное поприще деятельности, не мог сидеть сложа руки, а потому отдался весь физическому труду, принявшись достраивать монастырь. Он деятельно возводил каменные постройки в своем Новом Иерусалиме, копал возле монастыря пруды, разводил рыбу, строил мельницы, устраивал сады, расчищал леса и везде показывал пример братии и наемным рабочим, трудясь наравне с ними. В это же время Никон составлял известную “Русскую Никонову летопись”. Алексей Михайлович не раз жаловал ему щедрую милостыню на украшение обители и на прокормление нищих;

кроме того, в знак особого внимания в большие праздники и в свои семейные торжества посылал Никону лакомства, а сам принимал монастырский хлеб и овощи. Наступила весна 1659 года, а царь все еще не давал своего согласия на избрание нового патриарха, рассчитывая добродушно, что такая цельная натура, как Никон, может пойти на уступки и согласится вернуться на патриарший престол, отказавшись от прав Великого Государя.

Блюститель патриаршего престола, крутицкий митрополит Питирим, считая себя облеченным всеми привилегиями патриарха, торжественно совершил обряд шествия на осле в день Вербного воскресенья и перестал поминать имя Никона на эктениях^[10]. Пурист в делах веры и православия, Никон восстал против своеволия митрополита и послал из Нового Иерусалима письмо Алексею Михайловичу; в этом письме он осудил поступок Питирима: “Некто дерзнул олюбодействовать седалище Великого архиерея. Пишу это, не желая возвращения к любоначалию и ко власти. Если хотите избирать патриарха благозаконно и правильно, то начните избрание соборне, и кого божественная благодать изберет, того и мы благословим. Если это совершилось по твоей воле, Государь, Бог Тебя прости, только вперед воздержись брать на себя то, что не в Твоей власти”. Смущенный упреком в нарушении обряда, царь послал дворянина Елизарова и дьяка Иванова объяснить, что обряд шествия издавна совершался в России митрополитами; Никон возразил, что это делалось раньше по неведению. Светские враги патриарха, чувствуя свое бессилие в богословском споре, грубо оборвали пререкания и без стеснений заметили, что не никоново дело вмешиваться в то, что не подлежит уже его ведению. Патриарх заметил на это резонно, что паству свою он действительно оставил, но никогда не оставлял попечения об истине. “И простые пустынники, – добавил он, – говорили царям греческим об исправлении духовных дел”. – “Но ты ведь от патриаршества отрекся, – невпопад вздумали уколоть его, – и дал благословение на избрание себе преемника”. – “Да, отрекся, – отвечал Никон, – не думаю о возвращении на святительский престол и теперь даю благословение на избрание преемника, но я не отрицаюсь называться патриархом”. На этом пока споры прекратились, но Никон стал больше интересоваться тем, что делалось вне стен Нового Иерусалима и, замечая немало неправильностей в церковных делах, начал возвышать голос против злоупотреблений, а также против возвращения к порядкам патриарха Иосифа. Митрополит Питирим, несколько епископов и все враждебно настроенные бояре ударили в набат, говоря, что строптивый чернец посягает на самодержавные права государя.

На этот раз Алексей Михайлович поддался наветам бояр и согласился поступить круто: запрещено было общаться с Никоном, все бумаги патриарха в Москве были арестованы, и сам царь прекратил оказывать ему внимание. В связи с этой переменой и бесцеремонным обращением с перепискою патриарха в июле того же 1659 года Никон прислал царю следующее письмо:

“Ты, Великий Государь, чрез стольника своего, Афанасия Матюшкина, прислал свое милостивое прощение; теперь же слышу, поступаешь со мною не как с прощенным, а как с последним злодеем. Ты повелел взять мои вещи, оставшиеся в келье, и письма, в которых много тайного, чего не следует знать мирянам. Божиим попущением, Вашим государским советом и всем священным собором я был избран первым святителем, и много Ваших государевых тайн было у меня; кроме того, многие, требуя прощения своих грехов, написывали их собственноручно и, запечатавши, подавали мне, потому что я как святитель имел власть, по благодати Божией, разрешать им грехи, которые разрешать и ведать никому не подобало, да и тебе, Великому Государю. Удивляюсь, как ты дошел до такого дерзновения: ты прежде страшился судить простых церковных причетников, потому что этого святые законы не повелевают, а теперь захотел ведать грехи и тайны бывшего пастыря, и не только сам, да еще попустил и мирским людям; пусть Бог не поставит им в грех этой дерзости, если покаются! Если тебе, Великий Государь, чего нужно было от нас, то мы бы для тебя сделали все, что тебе подобает. Все это делается, как мы слышали, лишь для того, чтобы у нас не осталось писания руки твоей, где ты называл нас Великим Государем. От тебя, Великий Государь, положено было этому начало. Так писал ты во всех твоих государевых грамотах, так писано было и в отписках всех полков к тебе и во всяких делах; этого невозможно уничтожить. Пусть истребится оное злое, горделивое, проклятое наименование, происшедшее не по моей воле. Надеюсь на Господа: нигде не найдется моего хотения или веления на это, разве кроме лживых сплетен лжебратий, от которых я много пострадал и пострадаю. Все, что нами сказано смиренно, – перетолковано, будто сказано было гордо, что было благохвально, – то пересказано тебе хульно, и от таких-то лживых словес поднялся против меня гнев твой! Думаю, и тебе памятно, Великий Государь, как по нашему приказанию велели кликать нас по трисвятом Великим Господином, а не Великим Государем. Если это тебе не памятно, изволь допросить церковников и соборных дьяков, и они тебе то же скажут, если не солгут. Прежде я был у твоей милости единотрапезен с тобою: ты меня кормил тучными брашнами^[11], а теперь, июня в 15-й день,

когда торжествовалось рождение благоверной царевны Анны Михайловны, все веселились от твоей трапезы; один я, как пес, лишен богатой трапезы Вашей! Если бы ты не считал меня своим врагом, то не лишил бы меня малого кусочка хлеба от богатой Вашей трапезы. Это пишу я не потому, что хлеба лишаюсь, а потому, что желаю милости и любви от тебя, Великого Государя. Перестань, молю тебя, Господа ради, на меня гневаться. Не попускай истязать мои худые вещи. угодно ли бы тебе, чтобы люди дерзали ведать твои тайны, помимо твоей воли? Не один я, но многие ради меня страдают. Еще недавно ты, Государь, приказывал мне сказать с князем Юрием, что только ты да князь Юрий ко мне добры; а теперь вижу, что ты не только сам стал немилостив ко мне, убогому своему богомольцу, а еще другим возбраняешь миловать меня: всем положен крепкий заказ не приходить ко мне. Ради Господа молю, перестань так поступать! Хотя ты и Царь Великий, но от Господа поставлен правды ради! В чем моя неправда перед тобою? В том ли, что ради церкви просил суда на обидящего? Что же? Не только не получил я праведного суда, но и ответы были исполнены немилосердия. Теперь слышу, что, противно церковным законам, ты сам изволишь судить священные чины, которых не поверено судить тебе. Помнишь Мануила, царя греческого, как хотел он судить священников, а ему Христос явился: в соборной апостольской церкви есть образ, где святая десница Христова указывает указательным перстом, повелевая ангелам казнить царя за то, чтоб не отваживался судить рабов Божиих прежде общего суда! Умились, Господа ради, и из-за меня грешного не озлобляй тех, которые жалеют о мне. Все люди – твои и в твоей руке, того ради паче милуй их и заступай, как и божественный апостол учит: ты слуга Божий, в отмщение злодеям и в похвалу добрым; суди праведно, а на лицо не смотри; тех же, которые озлоблены и заточены по малым винам или по оболганию, так, ради Бога, освободи и заточи. Тогда и Бог святой оставит многие твои согрешения”. В заключение Никон пишет: “Говорят, будто я много ризницы и казны взял с собою, – я взял один только саккос и то не дорогой, а омофор^[12] прислал мне халкидонский митрополит. Казны я с собою не взял, а удержал немного, сколько нужно было на церковное строение, чтобы расплатиться с работниками. Где другая казна, то всем явно, куда она пошла: двор московский стоит тысяч десять, на постройку посадов истрачено тысяч десять, а этим тебе, Государь, я челом ударил на подъем ратный, да лошадей куплено прошлым летом тысячи на три, да тысяч десять есть в казне; шапка архиерейская тысяч в пять-шесть стала”.

Письмо прямолинейного по характеру и убежденного в своей правоте Никона произвело тяжелое впечатление на менее стойкого Алексея

Михайловича; царь стал понимать, что этого великана не переработает по-своему: непоколебимый в своей теократической идее Никон и без патриаршества оставался опасным врагом того политического строя, который начинал устанавливаться в России; уступи ему по этому письму, переполненному прямыми и резкими обвинениями, пришлось бы прямо признать его старшим Великим Государем и идти по его указке, то есть, другими словами, превратить Россию в теократическое государство с патриархом во главе, а самому занять роль первого министра. Подзадориваемый боярским роем, который напевал царю, что Никон брал взятки с врагов отечества и собирается бежать в Киев, чтобы венчаться там папою, впечатлительный Алексей Михайлович решился удалить непреклонного старика подальше от Москвы. С другой стороны, царь сознавал, что большинство обвинений Никона справедливы, что он виноват перед ним как перед человеком, поэтому не давал пока воли мелочным боярам. Опасаясь набегов татар, Никон приехал неожиданно в Москву, о чем известили царя; немедленно был прислан тот же Алмаз Иванов, который предложил, во избежание опасности, переселиться в крепкий стенами Макариев-Троицкий монастырь в Калязине. Понимая тайную мысль врагов, патриарх стал шутить и заявил, что у него есть свои крепкостенные монастыри, Иверский и Крестный. “В Калязин я не пойду, а лучше уже мне идти в Зачатейский монастырь”. Это новое название привело в недоумение посланного, и Никон объяснил ему, что этот монастырь находится в Китай-городе, на Варварском кресте, под горою. “Да ведь там тюрьма!” – заметил Иванов. “Это и есть Зачатейский монастырь”, – спокойно улыбнулся Никон. Как ни дерзки были своевольные бояре, но они не решились посылать невинного в тюрьму. Пробыв несколько дней в Москве, патриарх возвратился в Новый Иерусалим, где продолжал заботиться о новых постройках, причем писал царю, желая получить известие и свои вещи. Наконец, позднею осенью Никон, с согласия царя, уехал на жительство в Крестный монастырь на островке Кие, сопровождаемый сотнею стрельцов, назначенных царем в виде почетного конвоя для охраны от летучих шаек татар, и увез жалованную “ругу” на свои монастыри в сумме двух тысяч рублей.

Глава VIII. Суд нечестивых

Московские бояре, никогда не отличавшиеся способностями государственных людей и остававшиеся всегда мелкотравчатыми интриганами, были задеты в своем самолюбии суровым и умным Никоном; воспользовавшись прекращением дружбы царя с патриархом, бояре принялись всевозможными средствами травить своего врага, не понимая, что этим они играют на руку тем элементам, которые были враждебны московскому единодержавию, и нашли поддержку в двуперстниках. Пока религиозно-социальное восстание исподволь охватывало окраины государства и угрожало центральному правительству сильными неурядицами, спесивые и надменные бояре собирались засудить мордовского мужика, которому они были когда-то “выданы головою”. Совместно с духовными иерархами, не любившими Никона, постановлено было созвать собор, но так как все сознавали свое невежество и неспособность авторитетно решить важный церковный вопрос, то обратились за содействием к грекам, частенько наезжавшим в богатую и хлебосольную Москву за подаванием. Византийские греки издавна славились как ловкие диалектики и опытные казуисты, готовые служить и нашим и вашим; во главе этих пришельцев был умный пройдоха Паисий Лигаридес, носивший громкий титул Газского митрополита и бывший, кажется, “привлеченным” ордена иезуитов. Иеромонах Арсений познакомился с ним где-то за границею и указал на него Никону как на образованного человека, который может быть полезным при исправлении книг; приглашенный патриархом, Лигаридес приехал только в 1662 году, уже после собора, но быстро сориентировался в новом положении и стал во главе враждебного Никону духовенства, рассчитывая извлечь из этого материальную выгоду.

Но еще до приезда Лигаридеса, 16 февраля 1660 года, открылся поместный собор в Москве, под председательством Питирима, блюстителя патриаршего престола. С тайным содействием греческих архиереев, среди которых выделялся Кирилл Кипрский, под свежим впечатлением ненависти, собор положил не только избрать нового патриарха, но лишить Никона даже чести архиерейства и священства. Такое усердие не по разуму смутило Алексея Михайловича, сознававшего, что Никон виновен перед ним, светским монархом, но не перед духовным судом, и поэтому он обратился отдельно к греческим канонистам. Те, соображая, откуда ветер

дует, не только одобрили постановления собора, но еще подтвердили их ссылками крайне сомнительного качества на Номоканон. Царь готов был уступить, как появился неожиданно защитник Никона; это был иеромонах Славинецкий, приглашенный на собор и раскрывший измышления греков. В обширной докладной записке царю Славинецкий толково и ясно доказал всю несостоятельность применения указанных греками ссылок; опираясь на церковное право, он утверждал, что собор имеет право избрать другого патриарха, но не может лишить Никона архиерейства и священства, так как добровольно отрекающиеся архиереи не могут быть лишены сана без вины и суда. Кабинетный ученый и никому не опасный человек по своей мягкости характера, Славинецкий одним росчерком пера уничтожал все постановления собора как безусловно нелегальные, убежденный им Алексей Михайлович решил не утверждать соборных постановлений и обратился к Никону через посланного в Крестный монастырь стольника Матвея Пушкина, чтобы он дал свое благословение на избрание нового патриарха. С далекого устья Онеги пришел ответ, в котором, подтверждая свое согласие на выбор архипастыря, Никон заявлял, что если его пригласят в Москву, то он даст свое благословение новоизбранному патриарху, а сам удалится в монастырь. Члены собора испугались возможности появления в своей среде Никона и так повлияли на царя, что тот позволил строптивому старцу вернуться только в Новый Иерусалим. Приехав туда, Никон немедленно подал жалобу, что в Крестном монастыре его хотел отравить черный дьякон Феодосии, очевидно, фанатик-двуперстник, подосланный крутицким митрополитом. По приказанию царя Феодосий был схвачен со своими соумышленниками и подвергнут в Москве пыткам, но бояре сумели замять это дело. Между тем, в Новом Иерусалиме Никона ждала другая неприятность: окольный Боборыкин, у которого была приобретена земля под монастырь, знал об опале патриарха и, пользуясь его отсутствием, самовольно завладел монастырскими угодьями; заведующий Новым Иерусалимом подал жалобу на самоуправство в монастырский приказ, но последний признал Боборыкина законным владельцем захваченной им земли. Вследствие этого между монастырскими и боборыкинскими крестьянами начались обычные споры, препирательства и драки; подстрекаемый из Москвы сутяга Боборыкин, в свою очередь, подал жалобу в приказ, а этот привлек к ответственности монастырских крестьян. Крайне раздраженный крюкотворством приказа, поступавшего умышленно в пользу Боборыкина и другого соседа, Сытина, Никон написал царю резкое письмо, в котором называл церковь гонимой и сравнивал ее с апокалипсической женою, преследуемою змием.

“Откуда взял ты такую дерзость, – спрашивает он Алексея Михайловича, – чтобы делать сыски о нас и судить нас? Какие законы Божий повелели тебе обладать нами, Божиими рабами? Не довольно ли тебе судить правильно людей царствия мира сего? Но ты и об этом не стараешься... Мало ли тебе нашего бегства? Мало ли тебе, что мы оставили все на волю твоего благородия, отрясая прах ног своих ко свидетельству в день судный? Рука твоя обладает всем архиерейским судом и достоянием. По твоему указу – страшно молвить! – владык посвящают, архимандритов, игуменов и попов поставляют, а в ставильных грамотах дают тебе равную честь со Святым Духом, пишут: “По благодати Святаго Духа и по указу Великого Государя”. Как будто Святой Дух не волен посвятить и без твоего указа? Как много бог тебе терпит, когда написано: “Аще кто на Святаго Духа хулит, не имать оставления ни в сей век, ни в будущий”. Если тебя и это не устрашило, то что может устрашить? Уже ты стал недостойным прощения за свою дерзость. Повсюду твоим насилием отнимаются у митрополий, епископий и монастырей движимые и недвижимые вещи. Ты обратил ни во что установления и законы святых отцов, благочестивых царей греческих, великих царей русских и даже грамоты и уставы твоего отца и твои собственные. Прежде, по крайней мере, хотя и написано было по страсти, ради народного смущения, но все-таки сказано: “В монастырском приказе сидеть архимандритам, игуменам, священникам и честным старцам”, – а ты все это упразднил: судят церковный чин мирские судьи. Ты обесчестил Святого Духа, признавши его силу и благодать недостаточною без твоего указа; обесчестил святых апостолов, дерзая поступать противно их правилам; лики святых, вселенские соборы, святых отцов, благочестивых царей, великих князей, укрепивших православные законы. Ордынские цари восстанут против тебя в день судный с их ярлыками; и они, неверные, не судили сами церковных судов, не вступались ни во что церковное, не оскорбляли архиереев, не отнимали Божие возложения, а сами давали грамоты, которые всюду по митрополиям, монастырям и соборным церквам соблюдались до твоего царствования. Того ради Божия благодать исполняла царские обиходы, и мир был весь строен, а в твое царствие все грамоты упразднены и отняты у церкви Божией многие недвижимые вещи. За это Бог оставил тебя и впредь оставит, если не покаешься...”. Далее озлобленный старик передает, что ему было видение во время дремоты в церкви в пору заутрени: являлся митрополит Петр и велел передать царю, что за обиды, нанесенные церкви, был два раза мор в стране, а царское войско потерпело поражение; затем представился в видении царский дворец, и какой-то старец сказал: “Псы

будут в этом дворе щенят своих родить, и радость настанет бесам от гибели многих людей”.

Вполне естественно, что такое прямое нападение упорного теократа на монарха, взявшегося серьезно изменить ненормальное положение духовенства в государстве при помощи более стройной системы законов, не могло расположить Алексея Михайловича к уступкам бывшему другу. Между тем, монастырский приказ, видя невмешательство царя и руководимый отъявленными врагами Никона, решил спорное дело о крестьянах в пользу Боборыкина. Выведенный из терпения таким крючкотворством и явною несправедливостью Никон отслужил в Воскресенском монастыре молебен, во время которого велел прочитать жалованную грамоту царя на землю Нового Иерусалима в доказательство того, что монастырский приказ решил дело неправильно, а потом произнес на Боборыкина проклятие по 108-му псалму: “Молитва его да будет грехом, да будут дни его кратки, достоинство его да получит другой; дети его да будут сиротами, жена его вдовою; пусть заимодавец захватит все, что у него есть, и чужие люди разграбят труды его; пусть дети его скитаются и ищут хлеба вне своих опустошенных жилищ... Пусть облечется проклятием, как одеждою, и оно проникнет, как вода, во внутренности его и, яко елей, в кости его...”. Смелый Боборыкин не испугался проклятия, но решил отомстить за публичное бесчестие: он бросился в Москву и донес кому следует, что Никон произнес проклятие на царя. Это произошло уже в 1662 году, после приезда из-за границы Лигаридеса. Набожный Алексей Михайлович пришел в ужас, узнав о проклятии, собрал русских и греческих архиереев и начал им жаловаться со слезами на глазах: “Пусть я грешен, но чем виноваты жена моя, и любезные дети мои, и весь двор мой, чтобы подвергаться такой клятве?” Архиереи принялись утешать и успокаивать его, доказывая, что проклятие Никона недействительно; в этом отношении успешнее действовал вкрадчивый и находчивый Лигаридес, быстро приобретший влияние на податливую натуру царя. Первое время хитрый грек, не зная всех обстоятельств дела, пытался было помирить царя с патриархом, но, сойдясь с боярами и архиереями, переменял намерение и открыто стал против Никона. Успокаивая Алексея Михайловича, не любившего действовать прямо и решительно, Лигаридес подал мысль обратиться ко вселенским патриархам как к верховным судьям православной церкви. Царь с удовольствием ухватился за эту мысль, и с его одобрения было составлено двадцать пять вопросов, относящихся к делу опального патриарха, но не упоминавшими его имени; на обсуждение патриархов были представлены случаи, которые происходили в России, но

представлены в такой форме, как будто было неизвестно, когда и с кем они происходили; казалось даже, что эти случаи не происходили вовсе, а приводились просто для того, чтобы знать, как следует поступать, если бы они произошли. Доставить вопросник патриархам было поручено клевету^[13] Лигаридеса Мелетию, которого он рекомендовал вниманию царя.

В ожидании ответов от вселенских патриархов русская церковь оставалась без главы, и обе враждующие стороны оставались по-прежнему, если можно так выразиться, на военном положении. Только в июле 1663 года в Новый Иерусалим явилось целое посольство для переговоров с Никоном: астраханский архиепископ Иосиф, князь Никита Иванович Одоевский, окольный Родион Семенович Стрешнев, думный дьяк Алмаз Иванов и главный среди них Лигаридес в митрополичьей мантии. Озлобление Никона против этого проходимца вполне понятно, так как изощрившийся в казуистике грек так горячо ратовал против человека, которого он и в глаза не видел, что только больше разжигал страсти. Лигаридес, между прочим, доказывал, что Никон неправильно носил звание патриарха, так как два раза получил архиерейское рукоположение: в качестве митрополита и в качестве патриарха. С какою, собственно, целью являлось посольство это, трудно понять, скорее всего, из праздного любопытства и из желания потешиться над беззащитным стариком; все разговоры, которым думали придать форму судебного допроса, были похожи на травлю дикого зверя; над ним трунили, его дразнили, язвили, укоряли, бросали в лицо оскорбительную клевету. Утомленный, обессиленный почти пятилетними пошлыми, мелочными нападками и придирами, зная хорошо умственное убожество нападающих, Никон плохо владел расшатавшимися нервами и в ответ на пошлые нападки зачастую ругался, не имея другого оружия под руками. Уже при входе Лигаридеса Никон обругал его самоставником, вором и собакою, а затем добавил по адресу всех приехавших греков: “Привыкли вы тыкаться по государствам да мутить, и у нас того же хотите!” Под конец этой безобразной и тяжелой сцены выведенный из терпения Никон закричал: “Вы на меня пришли, как жида на Христа!” Кончилось тем, что вокруг монастыря была поставлена стража, чтобы никто не убежал, и начались допросы лиц, подчиненных патриарху, относительно проклятия. Все бывшие в церкви во время обряда, совершенного Никоном над царскою грамотою, не показали ничего обличающего, чтобы Никон относил проклятие к особе царя; кроме того, все показывали, что в этот день читалось на ектениях царское имя. Все это посещение Нового Иерусалима

было передано Алексею Михайловичу Лигаридесом и Стрешневым с подчеркиваниями и прибавлениями. “Лучше было бы мне не видеть такого чудища, – сказал вкрадчивый грек, – лучше оглохнуть, чем слушать его циклопские крики! Если бы кто его увидел, то почел бы за бешеного волка”.

Снова наступило затишье, пока в начале 1664 года не приехал Мелетий, окруженный целою толпою греков, прельстившихся возможностью составить карьеру в единоверной Москве; главными между этими искателями приключений были Атанас, называвший себя иконийским митрополитом, и Стефан, привезший от константинопольского патриарха грамоту о назначении Лигаридеса экзархом^[14]. Ответы четырех патриархов, доставленные Мелетием, были как нельзя более против Никона, хотя в них не упоминалось его имя, сообразно вопросным пунктам. Суть состояла в том, что, по мнению вселенских патриархов, московский патриарх и все духовенство обязаны повиноваться царю и не должны вмешиваться в мирские дела; архиерей, хотя и носящий патриарший титул, если оставит свой престол, то может быть судим епископами, но имеет право апеллировать константинопольскому патриарху как самой верховной духовной власти, а лишившись архиерейства, хотя бы добровольно, лишается тем самым вообще священства. Словом, восточные патриархи подтвердили те постановления московского собора 1660 года, которые подверглись серьезной критике Славинецкого. Пока московское духовенство разбирало эти ответы, приехавшие греки устроили целое торжище, подняв шумные дебаты за и против Никона; не удержавшись на почве церковного права, они перешли к личностям, стали ссориться, поносить друг друга и писать царю доносы. Атанас, рекомендуя себя родственником константинопольского патриарха, стоял горюю за Никона и ругал Лигаридеса, будто бы отбившего у него титул экзарха. Стефан был вполне на стороне Лигаридеса и нападал на Никона. В пылу перебранок Атанас громко объявил, что подписи патриархов в ответах сфабрикованы Мелетием. Скандал вышел громадный, и в Москве долго не знали, кому верить и что делать. Наконец с согласия Алексея Михайловича в Константинополь был отправлен русский монах Савва, владевший греческим языком, за справками о наехавших в Москву греках и с просьбою к патриарху Дионисию приехать в Москву и решить дело Никона своею властью.

Через несколько месяцев Савва возвратился из Константинополя. Оказалось, что патриарх Дионисий, отказываясь приехать в Москву, советовал царю или простить Никона или избрать на его место другого

патриарха; относительно же греческих авантюристов патриарх дал самый невыгодный отзыв. Атанас вовсе не был родственником патриарха и никогда не носил титула экзарха; Стефану никаких полномочий никогда не давалось; Лигаридес, по многим слухам, папист и лукавый человек; Мелетий никому не известен и внушает опасение. Таким образом, хотя ответы, доставленные от патриархов Мелетием, оказались подлинными, константинопольский патриарх, суд которого ценился выше всего в этих ответах, высказывал мнение, что Никона можно простить, следовательно, не считал его настолько виновным, чтобы низвержение его было неизбежно. Одновременно с ответом Дионисия пришла грамота иерусалимского патриарха Нектария; хотя он и подписался под ответами, но в грамоте убедительно советовал царю, во избежание соблазна, помириться с Никонем и оказать ему должное повиновение как строителю благодати, на основании божественных законов. Кроме того, Нектарий выражал полное недоверие к обвинениям, высказанным Мелетием относительно Никона.

Такие отзывы константинопольского и иерусалимского патриархов испортили все дело врагов московского патриарха. Созвать собор и осудить Никона после таких авторитетных мнений становилось чересчур зазорным, тем более, когда ответы патриархов не относились к лицу Никона; сообразно тем же ответам осужденный мог апеллировать в Константинополь и даже ко всем четырем патриархам. Дело затянулось бы еще дольше, а русская церковь на долгое время была бы предана раздору и смутам, так как, судя по отзывам Дионисия и Нектария, между этими вселенскими судьями могло быть разноречие; наконец можно было опасаться, что дело повернулось бы в пользу Никона. Так думали русские иерархи, но иначе решили хитроумные греки. Своим красноречием Лигаридес изгладил дурное впечатление, произведенное на царя отзывом константинопольского патриарха, и затем, переговорив с Мелетием, подал мысль пригласить в Москву трех патриархов на собор для окончательного решения дела о московском патриархе; если окажется невозможным приехать троим, то настаивать, чтобы приехали хотя бы двое. Последнее обстоятельство, очевидно, и составляло основу тайной мысли Лигаридеса: так как Нектарий высказался в пользу Никона, то Мелетий, действуя вне контроля, должен был обойти его приглашением, а настаивать на приезде Макария Антиохийского и Паисия Александрийского, образ мыслей которых и податливость сильным мира сего были хорошо известны Лигаридесу и Мелетию, но не русским иерархам и боярам. Алексей Михайлович согласился с доводами коварного грека, и Мелетий,

облеченный официальным полномочием, отправился на восток.

Запертый в Новом Иерусалиме и вынужденный бороться с многочисленными врагами, Никон не имел союзников, но имел тайных доброжелателей, которые секретно извещали его о том, что творится в Москве. Узнав о цели посольства, Никон понял, вероятно, тайный умысел загадочно услужливого Лигаридеса и сообразил серьезность надвигающейся грозы в образе суда вселенских патриархов. Желая избежать на старости лет позора осуждения за направление, которому, в сущности, должен сочувствовать каждый автокефальный глава церкви, Никон решился написать письмо царю: “Мы не отмечаемся собора и хвалим твоё желание передать все рассуждению патриархов по божественным заповедям евангельским, апостольским и правилам святых отцов. Но вспомни, твоё Благородие, когда ты был с нами в добром совете и любви, мы однажды ради людской ненависти писали к тебе, что нельзя нам представлять во святой великой церкви; а какой был твой ответ и написание? Это письмо спрятано в тайном месте в одной церкви, и этого никто, кроме нас, не знает. Смотри, благочестивый царь, не было бы тебе суда перед Богом и созываемым тобою вселенским собором! Епископы обвиняют нас одним правилом первого и второго собора, которое не о нас написано, а как о них предложится множество правил, от которых никому нельзя будет избыть, тогда, думаю, ни один архиерей, ни один пресвитер не останется достойным своего сана, пастыри усмотрят свои деяния, смущающие твоё преблаженство... крутицкий митрополит с Иваном Нероновым и прочими советниками!.. Ты посылал к патриархам Мелетия, а он, злой человек, на все руки подписывается и печати подделывает... Есть у тебя, Великого Государя, и своих много, кроме такого воришки”.

Это письмо, написанное в необычном для Никона мягком тоне, заставило Алексея Михайловича серьезно призадуматься над пошлою травлею, которая велась с его ведома и одобрения шестой год; письмо напомнило ему те годы, когда умный мордвин из Вельдеманова был его лучшим другом. В царё шевельнулось желание покончить все эти препирательства мирным путем, и он высказал в кругу приближенных намерение помириться с честным и прямодушным стариком. От желания до исполнения у Алексея Михайловича бывал всегда большой промежуток, но нашлись люди, которые вздумали сократить его. Это были думные дворяне Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин и Артамон Сергеевич Матвеев; прямо из царских покоев они отправились к Никите Зюзину и своими разговорами подбили его на смелую попытку. Долго не думая, Зюзин написал Никону, будто царь желает, чтобы патриарх неожиданно

явился в Москву, не показывая, однако, вида, что царь его звал; а чтобы по пути ему не было задержки, то у городских ворот он должен назваться архимандритом Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде, где царь был недавно и ласково принимал посланного Никоном архимандрита. Утомленный старик дался в обман преданному боярину, тем более, что такие фокусы были во вкусе царя, а Зюзин к тому же горячо уверял, что прием будет как нельзя более милостивый. В то же время Никон видел сон: в Успенском соборе встали из гробов святители, и митрополит Иона собирал их подписи для призвания Никона на патриарший престол. Все это соединилось вместе, чтобы Никон согласился на предложение Зюзина; согласно подробным наставлениям последнего 19 декабря 1664 года, сопровождаемый монахами своего монастыря, Никон приехал рано утром в Кремль и неожиданно вошел в Успенский собор, где в то время служили заутреню и читали кафизмы. В соборе находился и блюститель патриаршего престола (с 6 августа 1664 года), ростовский митрополит Иона. Никон приказал остановить чтение кафизм, велел диакону прочитать ектению, взял посох митрополита Петра, приложился к мощам и стал на своем патриаршем месте.

Духовенство и народ от неожиданности оторопели и растерялись, глядя на могучую фигуру патриарха, явившегося внезапно среди них, а Никон подозвал митрополита Иону и дал ему благословение, остальные священники и диаконы подошли уже сами, думая, что все это совершается с согласия царя. За духовенством стал подходить народ и принимать благословение архипастыря; наконец Никон приказал Ионе идти к царю и доложить ему о прибытии патриарха. Алексей Михайлович был у заутрени в своей домовой церкви и, выслушав доклад смущенного митрополита, немедленно послал звать иерархов и бояр. Самовольный приезд Никона вызвал в его памяти образ непреклонного и энергичного патриарха, начавшего с ним борьбу из-за первенства в государстве, и понятно, как охотно слушал он горячие речи собравшихся к нему на совещание; все называли поступок Никона преступлением, опасаясь в душе, что царь опять выдаст их головою ненавистному чернецу из мужиков. Зюзина не было среди бояр; сидя дома, он ожидал развязки смелой козни, устроенной им в надежде на кроткий нрав царя и на пробуждение в царском сердце прежнего расположения к Никону. Совещание продолжалось недолго, и князь Одоевский, князь Долгорукий, крутицкий митрополит Павел (заступивший место Питирима), Стрешнев и Иванов отправились в собор.

— Ты самовольно покинул престол патриарший, — заговорил князь Никита Иванович, — и обещался вперед не быть патриархом; уже об этом

написано ко вселенским патриархам. Зачем же ты опять приехал в Москву и вошел в соборную церковь без воли Государя, без совета освященного собора? Ступай в свой монастырь.

– Я сошел с патриаршества никем не гонимый, – отвечал Никон, – и пришел никем не званный, чтобы Государь кровь утолил и мир учинил. Я от суда вселенских патриархов не бегаю. Сюда пришел я по явлению, – и патриарх передал Одоевскому заранее приготовленное письмо Алексею Михайловичу.

Посланные вернулись во дворец с письмом, в котором было описано сновидение, и Лигаридес первый громогласно восстал против смысла и содержания прочитанного: “Ангел сатаны преобразился в святого ангела! – закричал он. – Пусть скорее удалится этот лжевидец, чтобы не произошло смуты в народе или даже кровопролития!” Доверяя красноречивому Лигаридесу, царь послал его с двумя епископами прогнать Никона, но без насилия. Духовные лица торжественно вошли в Успенский собор.

– Уезжай из соборной церкви туда, откуда приехал! – заявил категорично Лигаридес.

На этот раз энергия покинула Никона. Он понял, что его подвели, обманули и одурачили. Покорно склонив седую голову, старик приложился к образам и вышел из собора без возражений, опираясь на посох митрополита Петра; стрельцы окружили уже его сани и проводили его до Нового Иерусалима. Вслед за Никоном послали нарочного требовать захваченный посох. Опозоренный и убитый нравственно, он уже не упрямился, безоговорочно отослал с Воскресенским архимандритом из села Чернева посох и письмо, по которому он решил ехать в Москву. Тогда боярин Зюзин был арестован, подвергнут допросу и пытке, и его стали судить; он указал на Ордын-Нащокина и Матвеева, но те оба удачно отперлись и были оставлены в покое. Давно негодовавшие на Зюзина бояре приговорили его к смертной казни, но царь смягчил приговор, и простодушного хитреца сослали на жительство в Казань. Досталось и митрополиту Ионе за то, что принял благословение от Никона, его отрешили от должности блюстителя патриаршего престола, назначив на его место Павла Крутицкого.

im

Скит патриарха Никона в Воскресенском (Ново-Иерусалимском) монастыре близ Москвы. С гравюры XIX в.

Глава IX. Суд вселенских патриархов

Тяжелый нравственный удар, поразивший патриарха, отнял у него мужество и стойкость, с которыми он боролся против врагов. Зная хорошо греческое продажное духовенство, он справедливо опасался предстоящего суда, и в нем явилось естественное желание избавить себя от нового позора и новых унижений. С этой целью Никон еще раз обратился с письмом к царю, в котором благословлял избрать нового патриарха, отрекался от всякого вмешательства в дела и просил только оставить за ним патриарший титул, построенные им три монастыря со всеми их вотчинами, с тем, чтобы новый патриарх не касался их и чтобы эти монастыри не подлежали мирским судам; в заключение Никон прощал и разрешал всех, кого прежде проклинал. Лигаридес, которому Алексей Михайлович передал это письмо, не считал возможным допустить старика до почетного отступления, и вскоре просьба Никона была забыта. Доведенный до крайности бессердечием царя и подлостью приезжих авантюристов, находивших удобным поддерживать смуты в русской церкви, Никон сообразил, что вселенские патриархи знают о нем только со слов Мелетия, верного фактотума Лигаридеса, а потому следует ознакомить их с положением дел помимо греков. С этой целью Никон написал длинное письмо константинопольскому патриарху Дионисию, отрывок из которого был приведен раньше, в VII главе. В этом письме Никон изложил всю свою распрю с царем и с боярами, порицал “Уложение”, осуждал поведение царя, указывая, как он отяготил весь народ двойными и тройными налогами, и больше всего жаловался на самоставленника Лигаридеса; он передавал, что именующий себя Газским митрополитом верует по-римски, принял рукоположение от папы, в Польше служил обедню по католическому обряду, а между тем в Москве корчит из себя ревнителя православия, вошел в доверие к царю, который слушается его и поручил ему председательство на соборе; на этом соборе вопреки закону, воспреещающему переводить архиереев с одного места на другое, Крутицкого митрополита перевели в Новгород. Словом, события и лица были представлены в этом письме иначе, чем их передавал Мелетий. Но написать письмо было одно, а послать – другое.

За Новым Иерусалимом был учрежден строгий надзор, так как бояре опасались новой выходки Никона, который мог убежать, как думали многие, в Малороссию и там объявить себя патриархом Великия, Малыя и Белья России. Посланный от него с письмом мог быть схвачен и

подвергнут пыткам; долго колебался Никон, наконец, выбор его остановился на молодом монахе, приходившемся ему родственником; тот взялся доставить письмо в Константинополь и счастливо проскользнул мимо сторожевых кордонов в Малороссию. Там он попался в руки гетмана Ивана Михайловича Бруховецкого, и последний, переговорив с мстиславским епископом Мефодием, вернул его под конвоем в Москву. Письмо передано было царю, который понял из него, что с Никоном помириться невозможно, так как его антимонархическое направление неизменно; оскорбленный самодержец окончательно сделался врагом упрямого мордвина. А между тем, удаление патриарха и долгое отсутствие верховной церковной власти дали волю противникам преобразований, начатых Никоном. У двуперстников неожиданно нашлось общее с высшим правительством, с самим царем, со всеми, кто был не в ладах с патриархом, главным виновником ненавистных изменений буквы и обряда. Расколоучители смелее подняли головы, и их речи волновали все государство. Чувствовалась и сознавалась потребность прекратить разрастающиеся смуты; с этою целью в начале 1666 года состоялся новый поместный собор, который специально занялся уничтожением расколоучения, так как Питириму Новгородскому и Лигаридесу хотелось заявить ожидаемым патриархам о своей ревностной деятельности. Этот собор, подтвердивший все реформы Никона, считался подготовительным, так как все его постановления предполагалось передать на обсуждение вселенских иерархов.

Тем временем посольство Мелетия увенчалось успехом, какого так желал Лигаридес: Дионисий Константинопольский и Нектарий Иерусалимский отказались ехать в Москву, а Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский согласились, заручившись полномочиями от первых двух. Путь их лежал почему-то, вместо Константинополя, через Малую Азию, Персию и Грузию на Астрахань. От Астрахани до Москвы патриархи ехали с большою торжественностью. Алексей Михайлович приказал предоставлять им всевозможные удобства и даже устраивать для проезда мосты. Проехав по почти безлюдным степным берегам Волги, где уже начинались таинственные разговоры про “батюшку” Стеньку Разина, почетные гости стали приближаться к столице, из которой им, по обычаю, высылали несколько почетных встреч, одну за другою. 2 ноября 1666 года часть московского духовенства встретила патриархов у городских ворот, откуда все шли до Успенского собора крестным ходом, при звоне колоколов, среди огромного стечения народа. После первых церемоний и угощений патриархи занялись предварительным исследованием дела,

которое им предстояло решить; для этого занятия царь назначил им в помощь крутицкого митрополита Павла, рязанского архиепископа Иллариона и Лигаридеса. Как земляк вселенских патриархов Лигаридес сделался докладчиком по делу Никона и составил род обвинительного акта против московского патриарха. Основываясь на этом акте, составленном бойко и обдуманно, патриархи заранее были предубеждены против Никона; любопытно то, что, не находя достаточно веских обвинений, Лигаридес приписал Никону посягательство на власть и права вселенских патриархов.

29 ноября псковский архиепископ Арсений, спасский архимандрит Сергей из Ярославля и спасо-евфимиевский игумен Павел из Суздаля приехали в Новый Иерусалим звать Никона в Москву на открывшийся поместный собор.

– Откуда святейшие патриархи и собор, – заметил Никон, – взяли такое бесчиние, что присылают за мною архимандритов и игуменов, когда по правилам следует послать двух или трех архиереев?

– Мы к тебе не по правилам пришли, – возразил Сергей, – а по государеву указу. Отвечай нам: идешь или не идешь?

– Я с вами говорить не хочу, – обрезал его гордый старик, – а буду говорить с архиереями. Александрийский и антиохийский патриархи сами не имеют древних престолов и скитаются, я же поставление святительское имею от константинопольского. Если эти патриархи прибыли по согласию с константинопольским и иерусалимским, то я поеду, – с этою речью он обращался к одному только Арсению.

На следующий день Никон отслужил заутреню с елеосвящением^[15] в полном облачении, затем литургию, во время которой произнес поучение о терпении, и к вечеру выехал из монастыря в санях. Однако Сергей, душа посольства, успел дать знать в Москву, что Никон принял их нечестно, не едет и не сказал, когда поедет. Собор немедленно послал второй вызов с выговором за неповиновение и с приказанием приехать в Москву в ночь на 2 декабря и остановиться на Архангельском подворье в Кремле. Второе посольство встретило патриарха недалеко от села Чернева, в котором он и остановился, чтобы выждать назначенный срок. Однако Лигаридес и Питирим не уgomонились и прислали в Чернево третий вызов; этим хотели внушить патриархам и царю, что дерзкий Никон не слушается даже соборного приглашения.

– Некому на вас жаловаться, – горько улыбнулся старик, – разве только одному Богу. Как же я не еду? И для чего велите выезжать ночью с немногими людьми? Хотите, верно, удавить, как митрополита Филиппа удавили!

В назначенный срок поезд из Чернева въехал через Никольские ворота в Кремль, и ворота были немедленно заперты ожидавшими стрельцами, причем полковник громко произнес: “Великого Государя дело”. Во вторых санях ехал клирик Шушера с патриаршим крестом; когда провожатые хотели взять этот крест, Шушера успел передать его Никону, за что был арестован и подвергнут тайному допросу лично самим царем, который приказал отдать его под стражу. Опасаясь бегства Никона в решительную минуту, мост у Никольских ворот был разобран, а дом, где ночевали приехавшие, оцеплен стражею. В 9 часов утра Мстиславский епископ Мефодий, блюститель Киевской митрополии при живом митрополите, и бывший протоиерей Максим Филимонов, прославившийся своими кознями в Малороссии, пришли звать Никона на заседание, но предупредили, чтобы он шел смирно, без предношения креста; однако патриарх резко отказался следовать этому совету, и собор должен был уступить ему. В столовой избе, где происходило заседание, произошла встреча трех патриархов; тут присутствовали, кроме двух патриархов, митрополиты Питирим Новгородский, Лаврентий Казанский, Иона Ростовский, Павел Крутицкий, Григорий Никейский, Амасийский, Иконийский и Трапезундский, Феодосии Венчакский, Варненский и Хиосский, Михаил Сербский и один из Грузии; архиепископы Симон Вологодский, Филарет Смоленский, Стефан Суздальский, Арсений Псковский, Илларион Рязанский, Иосиф Тверской, Арсений Исаевский, Синайский и Волонский; епископы Мисаил Коломенский, Александр Вятский, Филимон Никорцминдский, Иоаким Славяносербский, Лазарь Черниговский и Мефодий Мстиславский; более 50 архимандритов, игуменов и протоиереев, не считая священников и прочих духовных лиц. Величавый Никон в полном облачении вошел торжественно вслед за клириком, несшим крест, и все присутствующие должны были встать; вошедший прочитал молитву, поклонился царю, патриархам и всем присутствующим. Алексей Михайлович сам указал бывшему другу место для сиденья среди собравшихся русских иерархов, а не рядом с патриархом.

– Благочестивый Царь, – с иронией произнес гордый архипастырь, – я не принес с собою места. Буду говорить стоя! – И он стоял, опершись на свой посох, а перед ним держали крест.

– Зачем я призван на это собрание? – спросил Никон, когда водворилась тишина.

Тогда Алексей Михайлович, которому приходилось говорить, сам встал со своего места и подошел к Никону. Дело приняло такой вид, как будто собор должен произнести приговор между двумя тяжущимися; глава

государства изложил все дело: он жаловался, что глава церкви русской оставил эту церковь на девятилетнее вдовство, благодаря чему восстали раскольники и мятежники и начали терзать церковь; царь предложил сделать по этому поводу допрос патриарху. Начался судебный допрос, настолько пространный, что рамки книги не позволяют привести его полностью; кроме того, сущность его состояла в повторении всех приведенных обвинений, пересыпанных взаимными колкостями и оскорблениями, да в разборе письма к Дионисию Константинопольскому. Слыша град нелепых обвинений из уст князей и епископов, Никон обратился на втором заседании прямо к Алексею Михайловичу:

– Государь! Девять лет готовили то, в чем хотели сегодня обвинить меня, и никто не может промолвить ни слова, никто не отверзает уст. Тщетны все замыслы, повели им побить меня камнями, они тотчас исполнят приказ. Если же и еще девять лет будут выдумывать клеветы, то и тогда ничего не найдут против меня.

Три заседания тянулась эта нравственная пытка Никона, которого назойливо допрашивали по поводу каждой сплетни, выдуманной на него досужими болтунами. 5 декабря окончилось разбирательство, и Паисий Александрийский, в качестве судьи вселенной, задал вопрос грекам и русским отдельно: “Чего достоин Никон?” Обе партии ответили единогласно: “Да будет отлучен и лишен священнодействия”. Формально отказались признать Никона виновным трое: Лазарь Черниговский, Симон Вологодский и Мисаил Коломенский, не присутствовавшие даже на последнем заседании. Тогда оба патриарха встали, и Паисий произнес приговор, в котором было сказано, что по изволению Святого Духа и по власти, данной патриархам, вязать и решить, они, с согласия других патриархов, постановляют, что отселе Никон за свои преступления более не патриарх и не имеет права священнодействовать, но именуется простым иноком, старцем Никоном. Осужденный старик возвращался на Архангельское подворье, уже не смея благословлять народ. В это время благодаря чьей-то нескромности найден был грек Деметриос, живший в Новом Иерусалиме и переведший на греческий язык письмо Никона к Дионисию; его немедленно арестовали, и перепуганный монах, не ожидая, конечно, ничего доброго от таких судей, вонзил себе нож в сердце и тут же умер.

12 декабря в небольшой церкви Благовещения в Чудовом монастыре собрались судьи-патриархи и члены собора в полном облачении; из светских лиц было только несколько бояр-князей. Вскоре привели Никона: на нем была мантия и черный клобук с жемчужным крестом. Сначала

Лигаридес прочитал ему по-гречески окончательно отредактированный приговор, потом рязанский митрополит Илларион прочитал то же самое по-русски. В приговоре обвиняли низложенного патриарха, главным образом, за то, что произносил хулы: на государя, называя его латиномудренником, мучителем и обидчиком; на всех бояр; на всю русскую церковь, говоря, будто она впала в латинские догматы; а в особенности, на газского митрополита Паисия Лигаридеса, к которому питал злобу за то, что он говорил всесветлейшему синклиту о некоторых гражданских делах Никона, и которого даже на соборе называл еретиком и мятежником. Ему ставили в вину низвержение коломенского епископа Павла, обвиняли в самовольном наименовании своих монастырей Иерусалимом, Вифлеемом и Голгофою, обвиняли в жестокости над подчиненными, которых он наказывал кнутом, палками, а иногда пытал и огнем. “Призванный на собор, – говорилось в приговоре, – Никон не явился смиренным образом, как мы ему братски предписали, но осуждал нас, говорил, будто у нас нет древних престолов, и наши патриаршие рассуждения называл блудословиями и баснями”. Словом, Никон был виноват кругом и около.

– Если я достоин осуждения, – сказал Никон по прочтении приговора, – то зачем вы, как воры, привели меня тайно в эту церковку? зачем здесь нет Его Царского Величества и всех его бояр? зачем нет всенародного множества людей российской земли? Разве я в этой церкви принял пастырский жезл? Нет, я принял патриаршество в соборной церкви перед всенародным множеством, не по моему желанию и старанию, но по прилежным и слезным молениям царя. Туда меня ведите и там делайте со мною, что хотите!

– Там ли, здесь ли, все равно! – отвечали ему. – Дело совершается советом царя и всех благочестивых архиереев. А что здесь нет Его Царского Величества, на то его воля! – И с Никона сняли клобук и панагию^[16].

– Возьмите это себе, – сострил осужденный, – разделите жемчуг между собою, достанется каждому золотников по пяти-шести, сгодится вам на пропитание на некоторое время. Вы, бродяги, турецкие невольники, шатаетесь всюду за милостынею, чтобы было чем дань заплатить султану.

С присутствующего в церкви какого-то греческого монаха сняли клобук и надели на Никона; затем его вывели. Садясь в сани, Никон громко сказал:

– Никон, Никон! Все это тебе случилось за то: не говори правды, не теряй дружбы! Если бы ты устраивал дорогие трапезы да вечерял с ними, то этого бы тебе не случилось!

В сопровождении стрельцов его повезли на земский двор, причем за санями шли приставленные к нему архимандриты Павел и Сергей; последний всю дорогу глумился над стариком, и когда кто-то из толпы остановил насмешника, то был немедленно арестован стрельцами. На другой день утром Алексей Михайлович прислал к Никону Родиона Матвеевича Стрешнева с запасом денег и разных мехов и одежд ввиду предстоящей поездки на север.

– Его Царское Величество прислал тебе это, – объявил Стрешнев, – потому что ты шествуешь в путь дальний.

– Возврати все это пославшему тебя и скажи, что Никон ничего не требует! – ответил гордый и неуступчивый “преступник”.

Стрешнев сказал, что царь просит прощения и благословения.

– Будем ждать суда Божия! – закончил беседу Никон.

В тот же день толпы народа стали собираться, чтобы поглазеть, как повезут низверженного патриарха. Но во избежание соблазна народу сказали, что Никона повезут через Спасские ворота по Сретенке, и народ устремился в Китай-город, а сани со ссыльным, окруженные отрядом стрельцов в 200 человек, выехали в противоположные. По дороге одна вдова поднесла Никону теплую одежду и 20 рублей денег; старик принял это как милостыню, отказавшись только что принять подачку от царя. Поезд направился в Ферапонтов монастырь, превращенный с 27 апреля 1798 года в приходскую церковь и находившийся недалеко от Кирилово-Белозерского монастыря.

Тем временем собор продолжал свои заседания. Троице-Сергиевский архимандрит Иоасаф 18 февраля 1667 года был избран по жребию из трех кандидатов патриархом и совместно со вселенскими патриархами пересмотрел постановления предшествующего собора относительно раскола, волновавшего русскую церковь. Патриархи одобрили все постановления и подкрепили их анафемою в самых сильных выражениях на раскольников. Последнее заседание собора состоялось 13 мая 1667 года. Приговор патриархов имел чрезвычайную важность в последующей истории раскола; он утвердил непримиримую ненависть между господствующею церковью и несогласными с нею противниками никоновских исправлений. Озлобленные фанатики-двуперстники, распавшиеся после соловецкого мятежа на поповщину и беспоповщину, произносили имя Никона как имя главного виновника их страданий, с проклятиями и ругательствами; господствующая церковь как последовательница правил сосланного патриарха называлась раскольниками с презрением никониановскою. Но вне раскольникового мира

на Никона всегда смотрели как на невинно пострадавшего за правую веру, всегда называли его патриархом, вполне сознавая, что собор поступал не по правилам и не мог лишить его патриаршего сана за указанные в приговоре проступки; все это было сделано проходимцами-греками из угождения боярам. Интересно, что в числе обвинений против Московского государства в универсале^[17] восставшего в 1667 году гетмана Брюховецкого самым гнусным делом москалей названо то, что “они свергли святейшего отца-патриарха, который учил их иметь милость и любовь к ближнему”. Знаменитый Степан Разин говорил, что он везет с собою патриарха Никона с целью восстановить его на московском патриаршем престоле, и этим усиливал свое обаяние.

Глава X. Старец Никон

Царь Алексей Михайлович выказал вполне свою двойственную натуру: одною рукою он посылал Никону подарки через его отъявленного врага Стрешнева, хотя Никон постоянно отказывался принимать их; а другою рукою подписывал всевозможные стеснения нравственно разбитому старику, вовсе ему не опасному, поддаваясь только наущениям разнуздавшихся бояр, которые не могли простить прямодушному мордвину, что он смотрел на них, как на царских слуг, а не на вершителей судеб государства. С Никоном такая ссора была не опасна, но народ не выдержал произвола бояр, умевших маскировать истинное положение дел перед самодержавным царем, и кровавое восстание Разина более трех лет серьезно тревожило царя и его бездарных приближенных; более полутораста тысяч человек погибло за это время, и Поволжье не скоро оправилось после погрома голытьбы и правительственных войск, не уступавших друг другу в жестокостях. Все время восстания “батюшки” Степана Тимофеевича Никон сидел в уединенном Ферапонтовом монастыре под надзором местного игумена и новоспасского архимандрита Иосифа, на помощь которым был еще назначен царский пристав Наумов; ему было запрещено писать и получать письма. Только изредка доходили до изгнанника смутные и сбивчивые слухи о том, что делается в Москве и как разрешается народное восстание на юге; сведения эти передавались самими надзирателями, которые, вопреки строгой инструкции, продолжали обходиться почтительно с жертвою царского гнева и, вопреки постановлению собора, называли его святейшим патриархом. Таково было обаяние высоконравственного и глубоко честного Никона, бывшего когда-то крестьянина Никиты Минова.

Летом царь, сознавая, что виноват перед Никоном, наказав его не так, как подобало монарху наказывать подданного, снова завел через Наумова переговоры с бывшим “собинным другом” о примирении и просил его благословения, признавая этим, что, несмотря на пристрастный приговор греческих казуистов, Никон и в ссылке остается тем же московским патриархом. Понимая настроение Алексея Михайловича, старик смело отвечал: “Ты боишься греха, просишь у меня благословения, примирения, но я тебя прошу только тогда, когда возвратишь меня из заточения”. Царь промолчал на это, не желая явно пренебрегать приговором им самим приглашенных патриархов, но в сентябре повторил свою просьбу,

настойчиво добиваясь, чтобы опозоренный и униженный старик первый пошел на уступки. Никон отвечал, что благословляет царя и все его семейство, но когда царь возвратит его из заточения, то тогда он простит и разрешит его совершенно. Вероятно, Алексей Михайлович высказал вскоре после этого намерение освободить невинно осужденного патриарха, потому что придворные интриганы ударили тревогу, и в начале 1668 года архимандрит Иосиф прислал в Москву донос. Дело в том, что зимою распространился в Ферапонтовом монастыре слух, что перед замерзанием рек с Волги по Шексне приезжали под видом богомольцев агенты Разина и подходили под благословение к опальному патриарху. Этим слухом воспользовались, и в доносе Иосифа оказалось, что к Никону приходили воровские донские казаки и намеревались освободить его из заточения. В Москве всполошились и произвели дознание, вследствие чего много несчастных, по одному подозрению в связях с опальным патриархом, было схвачено и подвергнуто пыткам. Донос не подтвердился, но перед кельею больного Никона стали постоянно дежурить двадцать стрельцов с дубинами; старика стеснили, в чем только была возможность, и он стал хиреть и чахнуть.

Занятый политическими делами, Алексей Михайлович забыл про Никона, пока домашнее горе не напомнило ему про горемыку. 2 марта 1669 года скончалась царица Марья Ильинична, 3 марта – дочь Авдотья, 18 июня – сын Семен, а 17 января 1670 года – сын Алексей. Царь вспомнил про ферапонтовского ссыльного и послал ему “ругу” со Стрешневым: как ни печально было материальное положение Никона, но он с гордостью отказался принять подачку. 6 июня 1670 года в Москве был казнен Степан Разин, и взволнованное им Поволжье постепенно успокаивалось, а обвинение над Никоном в связях с грозным атаманом продолжало тяготеть. Долгие физические страдания сломили энергичную натуру старика, и он стал не требовать, а просить пощады. Поэтому в конце 1671 года он послал Алексею Михайловичу письмо, в котором просил прощения за все, в чем его считали виноватым. “Я болен, наг и бос, – писал Никон, – сижу в келье затворен четвертый год. От нужды цинга напала, руки больны, ноги пухнут, из зубов кровь идет, глаза болят от чада и дыму. Приставы не дают ничего ни продать, ни купить; никто ко мне не ходит, и милостыни не у кого просить. Ослабь меня хотя немного”. При дворе в это время наибольшим значением пользовался Артамон Сергеевич Матвеев, бывший невольной причиной заговора Зюзина в пользу Никона; его дальняя родственница и воспитанница, Наталья Кирилловна Нарышкина, 22 января 1671 года сделала вторую супругою Алексея Михайловича. Под двойным влиянием

кроткой жены и умного любимца-временщика царь не остался глухим к просьбе первой жертвы зарождающегося самодержавия. Не давая веры нелепому обвинению в связях с Разиным, царь приказал содержать Никона в Ферапонтовом монастыре без всякого стеснения: стражу отозвали, старику дали отдельную келью, чистую, просторную, а пища его сделалась не только обильною, но и роскошною; Кирилово-Белозерскому монастырю предписано было доставлять Никону все, что понадобится. Благодаря этому Никон смог завести собственное хозяйство, составил себе библиотеку, лечил больных и в досужное время полюбил ездить верхом; мирясь с судьбою, опальный патриарх решился принимать от царя подарки и денежную пенсию. Однако переход от голода и нищеты к относительному благосостоянию был настолько резок, что Никон стал заметно слабеть умом и телом; годы и болезни еще более подточили его силы. Его начали занимать мелкие дразги монастырской жизни, нередко он ссорился с монахами, постоянно был чем-то недоволен, ругался без толку и писал Алексею Михайловичу забавные доносы; например, он пожаловался раз на кириловского архимандрита, что тот напускает к нему в келью чертей, которые его беспокоят.

Несколько лет положение Никона оставалось неизменным. 17 февраля 1672 года умер патриарх Иоасаф, относившийся к своему предшественнику довольно равнодушно. Новый патриарх Питирим, с июня 1672 года бывший митрополитом Новгородским, питал по-старому враждебные чувства к бывшему своему начальнику, но не мог вредить ему, так как царь открыто принял сторону Никона и не давал его в обиду. 19 апреля 1673 года Питирим умер, и его преемником с 26 июля 1674 года был архимандрит Чудова монастыря, позднее новгородский митрополит Иоаким. В юности Иоаким был ратным человеком и участвовал в войне с Польшею; чувствуя влечение к созерцательной жизни, он отказался от света и в Киеве постригся в монахи; через несколько лет Никон выписал его в Москву и назначил келарем Чудова монастыря. После отречения Никона от патриаршества Иоаким, недолголюбивавший его, принял сторону врагов его, сделан был архимандритом и открыто осуждал поведение Никона. Вполне естественно, что упрямый и гордый Иоаким, достигнув патриаршего престола, вовсе не желал возвращения Никона из далекой ссылки и всеми силами старался подействовать в этом смысле на царя, который не один раз высказывал желание освободить бывшего друга от заточения. Оберегая Никона от нового патриарха и щедро посылая изгнаннику подарки и даже лакомства, Алексей Михайлович скончался 29 января 1676 года, и на престол вступил старший сын его от Марьи Ильиничны, Федор III

Алексеевич.

Царь Федор Алексеевич родился 8 июня 1656 года, следовательно, вступил на престол на двадцатом году; это был болезненный молодой человек, с четырнадцатилетнего возраста пораженный неизлечимой болезнью и едва ходивший. Само собою разумеется, что власть была у него в руках только номинально, тем более, что в многочисленной царской семье был полный разлад, а своевольные бояре примыкали к той партии, у которой надеялись иметь больше выгод. Главных партий было две: во главе первой стояла умная и энергичная царица Софья Алексеевна, сестра царя, а во главе второй – его мачеха, царица Наталья Кирилловна. На стороне царицы были бояре Иван Михайлович Милославский и Богдан Матвеевич Хитрово, открывший враждебные действия против патриарха Никона в 1658 году; на стороне царицы – боярин Артамон Сергеевич Матвеев, озлобивший всех своим быстрым повышением. Начались интриги вокруг молодого царя, и уже 4 июня 1676 года Матвеев был отправлен на жительство в Лаишево, а 11 июня 1677 года лишен боярства и сослан в Пустозерск. Одновременно принялись и за бессильного уже Никона.

Вступив на престол, набожный и честный Федор Алексеевич первым делом послал Федора Абрамовича Лопухина, будущего тестя Петра Великого, к Никону с дарами и вестью о кончине отца; вместе с тем, согласно воле отца, выраженной в духовном завещании, он приказал просить прощения и разрешения покойному царю на бумаге, выказывая этим явно, что, вопреки приговору вселенских патриархов, он считает Никона патриархом на покое, а не старцем Никоном. Но изгнанник никогда не был льстивым царедворцем и не умел поступаться своими убеждениями, поэтому он отвечал: “Бог его простит, но в страшное пришествие Христово мы будем с ним судиться. Я не дам ему прощения на бумаге”. Такой ответ, естественно, огорчил не искушенного жизнью царя, он не мог оценить всю горечь, накопившуюся в Никоне за 18 лет травли, которой на его глазах подвергся уже Матвеев. Иоаким и Хитрово воспользовались таким настроением Федора Алексеевича, чтобы отравить последние годы жизни Никону. При их тайном подстрекательстве на бывшего патриарха посыпались доносы; находившийся в монастыре писарь Шайсупов и монах Иона, когда-то служивший келейником у Никона, между прочим, доносили, что “...он называет себя по-прежнему патриархом и занимается стрельбою; застрелил птицу баклан за то, что птица поела у него рыбу; дает монахам целовать руку, называет вселенских патриархов ворами, лечит людей, которые от его лекарства умирают; напивается пьян; рассердившись, дерется сам и другим приказывает бить монахов”. Эти вздорные доносы

были написаны, конечно, в уверенности, что, при изменившихся обстоятельствах, их примут на веру. Патриарх Иоаким по-своему представил все дело царю, и тот согласился, чтобы Никона перевели в Кирилово-Белозерский монастырь под надзор двух старцев монахов, которые должны были постоянно жить с ним в келье и никого к нему не допускать. Никон еще настолько владел умственными способностями, что понял постигшую его беду и пытался доказать лживость доноса, но Иоаким, конечно, не обратил внимания на его оправдания.

Однако при дворе молодого царя нашлась заступница угасающего старика; это была тетка Федора Алексеевича, царевна Татьяна Михайловна, с детства благоговевшая перед величавою личностью Никона. Кроме нее, за опального стал хлопотать бывший учитель царя, монах Симеон Петровский-Ситианович, обыкновенно называемый по месту рождения Полоцким; он приехал в Москву в 1664 году и мог, в качестве постороннего зрителя, по справедливости оценить все пошлые нападки на отрекшегося от власти патриарха. Хлопоты этих двух светлых и честных личностей не пропали бесплодно, и Федор Алексеевич своею властью облегчил положение Никона и не велел его стеснять; затем предложил патриарху Иоакиму перевести изгнанника в любимый его Новый Иерусалим. Узнав об этом, монахи созданного Никоном монастыря подали царю со своей стороны челобитную, умоляя возвратить им Никона, “как пастыря к стаду, как кормчего к кораблю, как главу к телу”. Но Иоаким заупрямился.

– Дело учинилось не нами, – возражал злопамятный патриарх, – а великим собором и волею святейших вселенских патриархов; не снесясь с ними, мы не можем этого сделать.

Не в меру ревностный архипастырь забывал, что место административной ссыпки назначали не патриархи, а светская власть в государстве. Желая оставаться на почве легальности, настойчивый, несмотря на свою болезненность, Федор Алексеевич несколько раз повторял свою просьбу, а затем созвал собор; однако собор, руководимый упрямым председателем-патриархом, не исполнил желания царя. Рассерженный явною несправедливостью царь написал Никону самое дружеское письмо, но вскоре пришло извещение от кирилово-белозерского архимандрита Никиты, что Никон болен, принял схиму и близок к смерти; поэтому он спрашивал разрешения: как и где похоронить бывшего патриарха. Федор Алексеевич снова обратился к собору с просьбою сжалиться над заточником и хотя бы перед смертью порадовать его свободою. На этот раз патриарх Иоаким смягчился, и собор благословил молодого царя возвратить умирающего Никона из заточения, в котором тот

пробыл почти четырнадцать лет.

Царь немедленно командировал дьяка Чепелева перевезти Никона в Новый Иерусалим. Это состоялось в начале августа 1681 года, после смерти первой супруги Федора Алексеевича, Агафьи Семеновны, скончавшейся после родов 14 июля. В это время Никон с трудом владел ногами, вследствие болезни и истомления, трудно переносимого в его годы. Из монастыря Чепелев бережно перевез больного старика на берег Шексны, здесь пересели в ожидающий их струг и отправились, согласно желанию освобождаемого, на Ярославль. Везде по пути стекался народ, инстинктивно сознававший, что безвинно пострадавшему старику наконец-то оказана справедливость; вопреки казуистическим доводам греческих юристов, которых народ не понимал все 14 лет, все встречали патриарха Никона, а не простого монаха, все почтительно просили архипастырского благословения и радушно приносили все нужное путешественнику. 16 августа утром струг остановился у пристани Толгского-Богородического монастыря, в восьми верстах от Ярославля. Игумен с братиею встретили с почетом бывшего патриарха, который приобщился святых тайн и приготовился переплыть с левого берега Волги на правый, в устье Которости, где стоит Ярославль. Тут явился спасо-ярославский архимандрит Сергей, который глумился и издевался над Никоном во время суда патриархов. На этот раз архимандрит униженно стал просить прощения за старое, кланялся Никону в ноги и уверял, что наносил ему оскорбления не по своему хотению, а подчиняясь воле собора; другими словами, к одной подлости он прибавил другую, клеветая на отсутствующих. Находясь в положении счастливого человека, выпущенного на волю из темницы, Никон не мог сердиться теперь ни на кого, а потому добродушно простил архимандрита Сергия.

Наступило веселое утро 17 августа, и струг отплыл от монастыря, причем около постели Никона сидели оба архимандрита, Никита и Сергей. Толпы народа из города и окрестных сел встретили путешественников на берегу Которости, куда струг вошел с Волги. Оказалось затруднительным причалить к пристани, по причине мелководия речки, и усердный народ бросился в воду и дружно вынес струг на берег. В это время Никон был в совершенном изнеможении и ничего уже не мог говорить, пока народ приветствовал его, целуя ему руки и ноги. День уже склонялся к вечеру, и в Ярославле начали благовестить к вечерне; в это время Никон немного ободрился, оглянулся на веселый берег, залитый народом, и начал оправлять себе волосы, бороду и одежду, как бы готовясь войти в город. Архимандрит Никита понял, что наступает торжественная минута для

маститого старца, и начал читать отходную. Никон потянулся на постели, сложил руки на груди и тихо угас, прожив 76 с небольшим лет.

Оставив тело усопшего на попечение архимандритов, Чепелев поспешил в Москву с известием о кончине бывшего патриарха и по дороге встретил царскую карету, предназначенную везти Никона. Федор Алексеевич приказал перевезти тело Никона в Новый Иерусалим и послал патриарху Иоакиму приглашение ехать на погребение со всеми членами собора.

– Воля государева, – отвечал Иоаким, – я на погребение поеду, а именовать Никона патриархом не буду и назову его просто монахом. Так собор повелел. Если царь захочет, чтобы я его именовал патриархом, я не поеду.

– Я все беру на себя, – настаивал раздраженный царь, – и сам буду просить вселенских патриархов, чтобы дали разрешение и прощение покойному патриарху.

Но Иоаким упорно стоял на своем. Наконец, опасаясь дурного исхода своего бессмысленного упрямства, но не желая ронять своего достоинства, патриарх отпустил новгородского митрополита Корнилия, позволив ему поминать покойного так, как пожелает царь. В присутствии Федора Алексеевича, Татьяны Михайловны, Натальи Кирилловны с маленьким Петром и семи сестер царя, Корнилий с несколькими архимандритами: Никитою Кирилово-Белозерским, Викентием Троице-Сергиевским, Сергием Спасо-Ярославским и Германом Новоиерусалимским, – совершил 26 августа погребение тела Никона, поминая его патриархом Московским и Всея Руси; царь поцеловал руку покойного, а во время литургии сам читал апостола. Отпевание состоялось в Успенской церкви, а погребение произошло в церкви Иоанна Предтечи на том месте, где Никон давно уже завещал похоронить себя и собственными руками выкопал могилу еще до суда. Сверх склепа была поставлена тумба, украшенная медными веригами в 15 фунтов, которые Никон носил со времени пострижения в Лизерском ските; вериги были покрыты бархатным покровом с серебряным шитьем (подарок Татьяны Михайловны). Архимандрит Герман, бывший ученик покойного, сочинил надгробное стихотворение, вырезанное на камне у подножия гроба.

По возвращении из Нового Иерусалима в Москву царь послал Иоакиму митру Никона и просил поминать покойного, но патриарх и тут остался верен самому себе: он не принял подарка и ни за что не хотел поминать Никона патриархом. Тогда царь, окончательно выведенный из терпения таким ребячеством, велел написать от своего имени четырем

вселенским патриархам. Посланный побывал в Константинополе, Дамаске, Иерусалиме и Александрии и в конце 1682 года с ответами вернулся в Москву, не застав в живых болезненного, но обещавшего много хорошего молодого царя, так как Федор Алексеевич скончался 27 апреля 1682 года на руках второй жены, Марфы Матвеевны. Правительница государства, царица Софья Алексеевна, получила грамоты, адресованные ее покойному брату; в них вселенские патриархи разрешали, как и следовало ожидать, причислить Никона к лику прочих московских патриархов и вечно помянуть его под этим званием. Волею-неволею упрямый Иоаким должен был помянуть Никона патриархом, а за ним и вся русская церковь, поминающая его до сих пор в этом неотъемлемо принадлежащем ему сане.

Преемник Иоакима, скончавшегося 17 марта 1690 года, казанский митрополит Адриан, был последним московским патриархом с 24 июля 1690 по 16 октября 1700 года. Трезвый ум Петра Великого понял, что в одном государстве не может быть два верховных правителя. Пример Никона, сознательно стремившегося поставить власть государя-патриарха выше государя-царя, был памятен ему как имевшему полную возможность знать закулисную сторону борьбы отца с непреклонным, но честным мордвином. Еще свежее был в памяти Иоаким, постоянно противодействовавший самодержавному царю; но если болезненный Федор Алексеевич мог переносить выходки патриарха, то Петр Великий был не таков. Понимая, что может явиться новый Никон с теократическими тенденциями и быть счастливее в борьбе, чем его предшественник, Петр воспользовался смертью Адриана и без стеснений уничтожил навсегда сан патриарха, учредив вместо него 14 февраля 1721 года святейший правительствующий синод.

Пособиями при составлении этого биографического очерка служили следующие сочинения:

1) *Начертание жития и деяний Никона, патриарха московского и всея России.* Соч. архимандрита Новоспасского монастыря Аполлоса. Изд. четвертое. Москва. 1845.

2) *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное.* Издано под редакцией Н. С. Тихонравова Д. Е. Кожанчиковым. С.-Петербург. 1862.

3) *Раскол и его значение в народной русской истории.* Исторический очерк В. В. Андреева. С.-Петербург. 1870.

4) *Историческое исследование дела патриарха Никона.* Составил по официальным документам Н. Гиббенет. 2 т. С.-Петербург. 1882 – 1884.

5) *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей.* Сост. Н. Костомаров. Т. 2: XVII столетие. 3-е изд. С.-Петербург. 1886.

6) *Новые материалы и труды о патриархе Никоне.* Составил проф. В. Иконников. Киев, “Университетские Известия” за июнь 1888 г.

Литература о патриархе Никоне чрезвычайно богата; о нем писали не только в России, но и за границей. К сожалению, иностранные писатели основываются исключительно на посольских сведениях, черпаемых из разговоров с боярами и придворными, заведомо враждебными Никону. Русские же писатели или безусловно осуждают “строптивного” патриарха или пишут житие чуть ли не святого. Предложенный очерк есть скромная попытка представить патриарха Никона таким, каким он был на самом деле; неполнота первой половины очерка объясняется тем, что все писавшие по этому предмету интересовались только патриархом Никоном, но никто не интересовался священником из крестьян Никитою Миновым.

Примечания

Речные разбойники (*В.И. Даль*)

Церковный чтец (*В. И. Даль*)

Милый, дорогой, моленный (*В. И. Даль*)

4

человек новый (лат.)

Харатейный – пергаментный (*В. И. Даль*)

Саккос – архиерейское облачение (*В. И. Даль*)

Скуфья – ало-синяя бархатная шапочка, знак отличия для белого духовенства (*В. И. Даль*)

уния – православные, признавшие папство под видом соединения западной и восточной церквей (*В. И. Даль*)

Изготовление церковного мира (В. И. Даль)

Эктения – заздравное моление о гсударе и о доме его во время службы (В. И. Даль)

Брашно – яство, пища, кушанье, еда (*В. И. Даль*)

Омофор – часть архиерейского облачения, нарамник (*В. И. Даль*)

Клеврет – товарищ, собрат (*В. И. Даль*)

Экзарх – архиепископ, управляющий церквами отдельной области (*В. И. Даль*)

Елеосвящение – церковное таинство, совершаемое семью священниками, а по нужде и одним, над больными; соборование маслом (*В. И. Даль*)

Панагия – икона, носимая архиереями на груди (*В. И. Даль*)

Универсал – грамота малороссийского гетмана (*В. И. Даль*)